

К 260-летию
со дня рождения
Г.Р. Державина

ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ: ВЕХИ ИСТОРИИ

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Управление культуры Тамбовской области
Тамбовский областной краеведческий музей
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

**ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ:
ВЕХИ ИСТОРИИ**

**Сборник материалов
историко-краеведческих чтений**

Тамбов
◆ **Издательство ТГТУ** ◆
2004

ББК ТЗ(2)я43
Т17

Редакционная коллегия:

Профессор Н.В. Дронова (ответственный редактор),
В.П. Кудинов, Е.В. Романенко,
Г.А. Абрамова, С.В. Чуносова

Т17 Тамбовская губерния: вехи истории. Сборник материалов историко-краеведческих чтений (к 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 128 с.

Сборник материалов «Тамбовская губерния: вехи истории» содержит краткое изложение докладов участников историко-краеведческих чтений «Тамбовская губерния: вехи истории» (к 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина).

Сборник адресован широкому кругу читателей и специалистов – историков, филологов, музееведов,

ISBN 5-8265-0279-7

© Тамбовский областной
краеведческий музей, 2004

© Тамбовский государственный университет

им. Г.Р. Державина, 2004

Державинъ

Из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея

17–18 апреля 2003 года в Тамбовском областном краеведческом музее состоялись историко-краеведческие чтения, посвященные 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина. Они явились результатом плодотворной совместной работы ТОКМ и ТГУ им. Г.Р. Державина.

Сборник материалов «Тамбовская губерния: вехи истории» содержит краткое изложение прозвучавших на чтениях докладов по историко-краеведческой, филологической, этнолингвистической, ис-

кусствоведческой и культурологической тематике. Достаточно широкий временной и содержательный диапазон тематики выступлений был продиктован желанием участников возможно более полно представить историю края как составляющую единого исторического и культурного пространства России.

Привлечение авторами хранящихся в архивных, библиотечных и музейных фондах документов периода пребывания в Тамбове Г.Р. Державина, дало возможность представить многие малоизвестные или совсем неисследованные события, «имевшие место произойти» в Тамбовской губернии второй половины XVIII века и подчеркнули актуальность и необходимость дальнейших изысканий.

Сборник материалов историко-краеведческих чтений рассчитан на широкий круг читателей и специалистов-историков, филологов, музееведов, искусствоведов и библиотечных работников.

Научное издание

**ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ:
ВЕХИ ИСТОРИИ**

**Сборник материалов
историко-краеведческих чтений**

Редактор З.Г. Чернова
Инженер по компьютерному макетированию М. Н. Рыжкова

Подписано к печати 18.03.2004
Формат 60 × 84 / 16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура Academy. Объем: 7,44 усл. печ. л.; 6,5 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. С. 254^М

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ И
ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ
СИНОДАЛЬНОЙ ГРАМОТЫ 1762 ГОДА
(из фондов ТОКМ)

В Тамбовском областном краеведческом музее почти за 125-летнюю историю сложилась интереснейшая коллекция рукописных документов конца XVII – начала XIX веков, отражающая различные аспекты истории Тамбовского края этого периода. Именно эти документальные источники вызывают особый интерес у исследователей, активно вводятся в научный оборот, экспонируются на музейных выставках.

В данном контексте поистине уникальной "единицей хранения" документального фонда ТОКМ является рукописная Синодальная грамота 1762 года. Первое упоминание о ней находим в протоколе ¹ 161 заседания ТУАК от 12 октября 1909 года: "По открытии заседания членом комиссии Н.Н. Ивановым было доложено собранию, что им найдена ставленная грамота, данная Св. Синодом в 1762 году епископу Вологодскому Феодосию, грамоту эту он, Иванов, жертвует Музею Комиссии... Собрание постановило: благодарить г. Иванова за его жертвование и грамоту передать хранителю Музея Комиссии".

В "Описи предметам, хранящимся в музее Тамбовской Ученой Архивной Комиссии", составленной А.И. Самоцветовым (1916), грамота значится в разделе "Рукописи и книги", ¹ 843. На оборотной стороне документа слева внизу две записи чернилами – "1943 г." и "¹ 4056, 1945 г.". В Книге поступлений ТОКМ грамота записана 13 декабря 1948 года, ¹ 4056. В 2000 году Синодальная грамота экспонировалась на выставке "Сокровища православной культуры и искусства" в ТОКМ.

Этот уникальный документ – свидетельство более чем 30-летнего многотрудного служения святителя Феодосия (Голосницкого), епископа Тамбовского и Пензенского, Русской православной церкви, деятельность которого не была оценена по достоинству.

Епископ Феодосий (Голосницкий) родился в 1723 году в г. Казани. Образование получил в Киевской духовной академии. Имя преосвященного Феодосия впервые встречается в списках российских иерархов в 1753 году – он архимандрит Желтиковского монастыря, в 1755 году становится настоятелем Калязинского Макарьевского монастыря, в 1758 году – архимандритом Святогорского Успенского монастыря и ректором Псковской духовной семинарии. 11 ноября 1761 года в г. Санкт-Петербурге в Петропавловском соборе архимандрит Феодосий был "хиротонисан во епископа Богоспасаемых градов Великого Устюга и Тотьмы". 9 ноября 1766 года владыка был назначен епископом Тамбовским и Пензенским¹. На протяжении 20 лет он "с ревностью истинного пастыря и верного слуги Христова" служил на Тамбовской кафедре, налаживал епархиальную жизнь². Венцом его многотрудной деятельности "в духе апостольского служения" стало открытие в 1779 году в Тамбове, в результате личной переписки владыки с духовником Екатерины II о. И. Памфиловым, духовной семинарии³. В последний путь преосвященного Феодосия провожал в декабре 1786 года Тамбовский наместник Г.Р. Державин⁴. В своих "Записках" Г.Р. Державин посвятил Тамбовскому владыке несколько нелестных слов⁵. Думается, что эта оценка поэтом архипастыря была несправедлива и стала следствием общей атмосферы недоброжелательства, злобы, клеветы и обмана, окружавшей владыку в Тамбове⁶.

В фондах ТОКМ сохранилось пять ставленных грамот 70 – 80-х годов XVIII века, подписанных владыкой Феодосием, скрепленных его архиерейской печатью⁷. Синодальная грамота 1762 года уже по внешним признакам представляет интерес как источник для изучения развития русской письменной культуры⁸. Написана черными чернилами на листе пергамента

размером 97 × 75 см в "царствующем и преименитом граде Санкт-Петербурге". Датирована 25 февраля 1762 года. Заставка и бордюры на полях роскошно орнаментированы в стиле рококо с элементами русского барокко. Заставка представляет собой сложную композицию и занимает $\frac{1}{4}$ часть всего листа. В центре в обрамлении рокайльных мотивов – изображение Государственного герба Российской империи. Герб справа и слева как бы поддерживают два ангела. Они же указывают на знаки высшей епископской власти,

расположенные в овальных клеймах – митру, крест, посох, а также дикирий и трикирий. Венчает композицию изображение Всевидящего Ока в облаке Славы. Богатая расцветка представляет собой комбинацию золота, сурика желто-бурого оттенка, голубого, зеленого, красного, розового, бежевого, черного цветов.

Заголовок грамоты, все *nomina sacra* (имена священные), титулы и имена собственные императора Петра III, императрицы Екатерины Алексеевны, цесаревича Павла Петровича, покойной императрицы Елизаветы Петровны, слово "Синод" прописаны золотом. Роскошный, выполненный золотом инициал (буква Б – заглавная) начала текста являет собой истинную миниатюру в стиле рококо. В центре нижнего поля бордюра грамота прошита витым шелковым шнуром, на нем подвешена печать Св. Синода на красном воску.

Текст написан полууставом с элементами скорописи, четко разделен на слова, каждая буква написана отдельно. В графике некоторых заглавных букв (М, О, Б, С, Р) заметно влияние русского гражданского шрифта, введенного реформой 1710 года. Титло по традиции стоит над *nomina sacra*, а также над некоторыми наиболее часто встречающимися словами (епископ, милость). В тексте отмечены единичные выносные буквы – н (в виде латинского N), в, х, м в конце слов (хиротониса^N, труда^X), а также единичные связные написания соседних букв (ел, ем). Достаточно часто употребляется **т** – выносное, по начертанию напоминающее строчное **ч**. **Ж** пишется с усиками и дугой, опускающейся книзу слева, что характерно для рукописей, выполненных полууставом, конца XVII – начала XVIII веков. Встречается употребление написания разных вариантов одной и той же буквы, например, **К** – в виде двух мачт и близкое к современному написанию; **т** – трехмачтовое, в виде строчного **ч** и близкое к современному написанию; **в** – калачиком и латинское; **н** – латинское и близкое к современному строчному; **е** – в виде двух дуг и близкое к современному строчному. Широко используется **с** глазковое, **і** – десятирично с двумя точками, **з** – в виде тройки. Характерно употребление "ять".

Дата в конце грамоты прописана в двух вариантах: от сотворения мира (7270) и от Рождества Христова (1762) арабскими цифрами. Интерес представляют рукоприкладства членов Святейшего Правительствующего Синода: архиепископа Новгородского и Великолукского Димитрия, архиепископа Санкт-Петербургского и Шлиссельбургского Вениамина, епископа Псковского и Нарвского Гедеоны, архиепископа Сарского и Подольского Амвросия, епископа Коломенского и Каширского Порфирия, архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Лаврентия.

Синодальная грамота нуждается в реставрации: местами сильно загрязнена, отмечено коробление листа пергамента, частично утрачен левый нижний и верхний правый угол, часть Синодальной печати. Готовится научная документация для включения этого бесценного документа в план реставрационных работ в рамках целевой федеральной программы "Культура России".

¹ Нечаев А.А. Из истории Тамбовской церкви // Русская старина. 1908, август. С. 561.

² Там же. С. 564.

³ Там же. С. 571.

⁴ Там же. С. 576.

⁵ Записки Гаврила Романовича Державина (1743 – 1812) с литературными и историческими примечаниями П.И. Бартенева. М., 1860. С. 270.

⁶ Хитров Г. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 92; Нечаев А.А. Из истории Тамбовской церкви // Русская старина. 1908, август. С. 562–570.

⁷ ТОКМ. КП 10. С. 344–345, ¹ 13335/1, 2, 4, 5, 6.

⁸ ТОКМ. КП 2. С. 407, ¹ 4056.

М.К. АКОЛЬЗИНА

ПРИХОДСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО г. МОРШАНСКА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Одной из важнейших функций уездного города Моршанска Тамбовской губернии на рубеже XIX – XX веков была духовно-религиозная. Для определения ее места и роли в системе функциональных осо-

бенностей города важно выяснить положение духовенства. Целью настоящего исследования является изучение состава, уровня образованности, внутрисословной мобильности моршанского приходского православного духовенства в исследуемый период.

Для изучения положения духовенства были использованы материалы Ведомостей о состоянии церковью Моршанского благочиния, Клировых ведомостей церковью Моршанска¹, исповедных ведомостей², Историко-статистических описаний Тамбовской епархии³.

Духовное правление было учреждено в Моршанске в 1781 году, в его состав вошли семь чиновников (три – из местного почетного духовенства) и столоначальник. В конце XIX века в городе было семь храмов. Самым старым был каменный Софийский собор, возведенный в 1753 году купцами Петром и Федором Копейкиными. На торговой площади располагалась Вознесенская церковь, построенная на средства купца Алексея Тюлюкина в 1799 году. Две церкви, относившиеся к моршанскому городскому благочинию, находились в бывших пригородных слободах, в 1864 году вошедших в городскую черту. Николаевская (Барашевская) каменная церковь была построена в 1840 году купцом Георгием Платицыным вместо старой деревянной, открытой в 1804 году. Николаевская церковь Базиевской слободы, основанная в 1782 го-ду, была перестроена после пожара в 1848 году. В 1840 году была возведена еще одна пригородная церковь, Федоровская. Две бесприходных церкви находились при кладбищах города: Рождества Богородицы (Николаевская), действовавшая с 1797 году, и каменная Федоровская, построенная в 1831 году. 24 ноября 1857 году был освящен новый Троицкий собор.

К концу XIX века в Моршанске было 3 протоиерея, 7 священников, 6 дьяконов и 20 причетников. На одну церковь приходилось 1999 человек, или по 1249 человек на приход. Удельный вес священников и причетников в Моршанске был несколько ниже, чем в целом по городам России, а дьяконов – выше. Доля священнослужителей увеличивалась за счет дьяконов. Доля причетников оставалась практически без изменений. Тем не менее, священнослужителей в составе причта не стало больше церковнослужителей, т.е. позитивного качественного сдвига в составе приходского духовенства не происходило. Об этом свидетельствовал также образовательный уровень приходского духовенства.

В исследуемый период полное семинарское образование имели 100 % священников и 64 % дьяконов, незаконченное семинарское образование имели 36 % дьяконов. Все причетники были с неполным духовным образованием. 36 % священно- и церковнослужителей Моршанска имели законченное и незаконченное специальное образование. Таким образом, образовательный уровень духовенства Моршанска был намного ниже, особенно у священников, чем в целом по городам России.

Между отдельными стратами православного приходского духовенства существовали незначительные перемещения. Подавляющее большинство священников (75 %) были сыновьями священников, по 12,5 % – детьми дьяконов и причетников. 80 % сыновей дьяконов и 20 % сыновей священников становились дьяконами, среди причта было 66 % детей причетников, 20 % детей священников и 14 % дьяконских детей.

Имеющиеся данные свидетельствуют о более низком уровне внутрисословной мобильности моршанского духовенства в сравнении с духовенством России в целом. Самыми мобильными были дети причетников, затем – священников. Это определялось полученным образованием для детей священников (или легкостью и доступностью образования для них) и стремлением к получению духовного образования детей дьяконов, пономарей и других причетников.

¹ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 716, 1276, 1349.

² ГАТО. Ф. 890. Оп. 2. Д. 50.

³ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 46–48.

Г.Б. Буянова

**"И СЛАВА ВОЗРАСТЕТ МОЯ, НЕ УВЯДАЯ...":
К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ
ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

Известный русский ученый-филолог Д.Д. Благой в одной из работ о Г.Р. Державине называет его человеком исключительно горячего нрава, кипуче-деятельным, пылким, порывистым, с замечательным

русским характером. Жизненный и творческий путь писателя – свидетельство тому. События личной судьбы

Г.Р. Державина так тесно связаны с отечественной историей, литературой, культурой, что интерес к его имени стал одной из устойчивых тенденций тамбовской литературоведческой науки и дорогой для нас традицией.

Исследование жизни и творчества Г.Р. Державина литературоведами Тамбова в последнее десятилетие ознаменовано юбилейным событием, произошедшим в 1993 году. В честь 250-летия "богатыря нашей поэзии" (так назвал Г.Р. Державина В.Г. Белинский)¹ и общественного деятеля в Тамбове состоялась Юбилейная Международная конференция "Творчество Г.Р. Державина: проблемы изучения и преподавания". В ней приняли участие ученые из России и Беларуси, Украины и Казахстана, Болгарии и Японии. По итогам этого научного форума под общей редакцией доктора филологических наук профессора Л.В. Поляковой издан сборник научных статей, докладов, очерков и заметок "Творчество Г.Р. Державина. Специфика. Традиции", где анализируются общие проблемы творческого наследия поэта, особенности его стиховой культуры и пути влияния на современников и последователей, освещена общественная деятельность человека, которого современники называли "блестящей зарей нашей поэзии".

В сборнике опубликовано около ста работ, посвященных Г.Р. Державину. Среди них – работы тамбовских ученых, преподавателей кафедры истории русской литературы ТГУ им.

Г.Р. Державина Е.В. Авдошенко, Я.И. Гудошникова, С.Б. Прокудина, Л.В. Поляковой, Т.Н. Офицеровой, С.А. Косяковой, Ю.Э. Михеева, В.А. Лемещенко, В.В. Колчанова и других.

Е.В. Авдошенко в статье "Державин в Тамбове: поэт и губернатор" отмечала, что значение Г.Р. Державина в русской литературе и истории определяется прежде всего неординарностью его личности. "Гуманистическая позиция Державина, дворянина по рождению, монархиста по убеждению и помещика по положению, всегда проявлялась в его стихах и деятельности. Основой такой гражданской позиции Державина, – продолжает автор, – явился собственный опыт и просветительская философия XVIII века"². Е.В. Авдошенко подчеркивает, что поэзия и государственная служба были равно талантливыми проявлениями единой державинской ипостаси. Державин – творец и созидатель как в поэзии, так и на государственной службе. Застав Тамбовскую губернию в крайнем расстройстве (к моменту прибытия Державина Тамбов за шесть лет сменил четырех губернаторов), новый губернатор самое деятельное участие принял в законопроизводстве, соблюдении законности, просвещении и обновлении Тамбовского края. Результаты его деятельности общеизвестны: открыты народные училища, школы, основаны типография и театр, в городе стала выходить первая газета. Подъему культурного уровня края тамбовцы, без сомнения, обязаны деятельности губернатора Г.Р. Державина. Его Муза подарила потомкам написанные в Тамбове один из вариантов оды "Властителям и судиям", "Пролог" – драматическое произведение в пяти явлениях на просветительскую тему, оды "Осень во время осады Очакова" и "На смерть графини Румянцевой", стихотворения и эпиграммы.

Державин и русская литература – отдельный тематический блок в работе конференции, который был представлен работой нескольких секций, рассматривавших комплекс вопросов: Державин в литературном движении XVIII – начала XX веков, литературно-теоретические взгляды Державина и их роль в развитии отечественной литературоведческой мысли; Державин и литературная полемика его времени, Державин и русская журналистика; Державин и поэтика русского классицизма: к размышлениям о творческом методе; Державин и русская литература последней трети XVIII века, Державин и поэзия XIX века: Батюшков, Жуковский, Рылеев, Пушкин, Тютчев, Фет и другие; Державин и литература XX века: Брюсов, Ходасевич, Маяковский, Заболоцкий, Якубовский и другие.

Два великих имени – Державин и Пушкин – объединены в работе известного тамбовского филолога С.Б. Прокудина "Героико-патриотическая поэзия Державина и Пушкина". "Господствующее" чувство, объединяющее их, – патриотизм. Важнейшим смыслом деятельности обоих было желание выразить живое чувство нации, своим пером участвовать в устройении державы: "Поэзия Державина, исполненная сознанием высокой ответственности за державу, за ее достоинство, честь и благо, формировалась в то время, "Когда Россия молодая, / В бореньях силы напрягая", заявила о себе во весь голос... Пушкину суждено было совершить качественно новый рывок в самовыражении русской нации. Но Пушкин придет не на пустое место. Уже был Державин"³, – отмечает в статье С.Б. Прокудин. Образы и интонации державинской патриотической лирики ученый видит в "Воспоминаниях в Царском Селе", "Бородинской годовщине", стихотворении "Клеветникам России", поэме "Полтава", романе в стихах "Евгений Онегин" и целом ряде других произведений А.С. Пушкина. Тема личной ответственности поэта за судьбу

Отечества, осознание великой исторической миссии России, по мнению исследователя, с равной силой звучат у Державина и Пушкина.

250-летию русского поэта и тамбовского губернатора были посвящены специальный выпуск научно-популярного и литературно-художественного журнала "Кредо" (1 7–8 за 1993 год) и литературное приложение к журналу "Пленира", в которых опубликованы работы ученых России, Беларуси, Болгарии, отзывы и стихи студентов нашего университета. В статье доктора наук профессора кафедры русской литературы факультета славянской филологии Софийского университета Л. Боевой рассматриваются проблемы художественного времени и пространства в оде Г.Р. Державина "Бог". Исследователь отмечает: "Главным знаком новаторства Державина было выдвижение на передний план в его одах авторского времени, а также введение незамкнутого, стремящегося к бесконечному, открытого времени и пространства. Личные переживания поэта, его мысли о сущности вселенной, о месте в ней Бога и человека, о роли поэта, о жизни и смерти составляют содержание многих его од. В оде "Бог" Державин ставит в центр оппозицию: земля и небо, верх и низ, там и здесь, человек и Бог. Бог воплощает в себе все сущее, наполняет собой всю землю и небо, Вселенную, Космос"⁴. Проблеме времени посвящена также статья преподавателя Тамбовского университета, кафедры русской литературы Ю.Э. Михеева "Временная структура оды Г.Р. Державина "На смерть князя Мещерского". Исследователь обращает внимание на то, что в оде Державина задействованы все временные срезы: и прошлое, и настоящее, и будущее. Прошлое осознается поэтом как уже свершившийся факт, нечто невозвратно потерянное, будущее – как перспектива неизбежной потери, настоящее – как приближение к роковой черте. Однако подлинный герой оды не смерть, неумолимая и неизбежная, а лирический герой, – считает автор: "Все персонажи оды – в том числе и смерть – потому только в ней присутствуют, что он их воспринимает, пропуская через себя, – переживает. Лирический герой многолик. Он – и личное, индивидуальное "я", и обобщенное "мы", и собственное возрастное состояние, объективированное в эмоционально-психологических ощущениях"⁵.

Очень интересна статья заведующего кафедрой литератур народов мира Брестского пединститута профессора Т.Б. Лиокумовича "Белорусские страницы биографии и творчества Г.Р. Державина". Исследователь обращается к обстоятельствам пребывания Державина в Белоруссии в 1799 и 1800 годах и автобиографическим "Запискам об известных всем происшествиях и подлинных делах, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина". В окраинной Белоруссии Державин столкнулся с "беспредельным произволом, вопиющими злоупотреблениями и преступным бездушием властей"⁶. Содержание работы позволяет сделать вывод, что в любых жизненных ситуациях Державин оставался неизменно принципиален и честен и продолжал, помимо должностного, труд литературный: в Белоруссии написаны стихотворения "Горы", "Мельник", "Виша", многочисленные поэтические миниатюры, включенные затем в сборник "Анакреонтические песни".

Работы, посвященные творчеству Г.Р. Державина, публиковались в межвузовском сборнике научных трудов о проблемах изучения литературного наследия Тамбовского края "Культура русской провинции" (Тамбов, 1993. Вып. 2; 1999. Вып. 3). Накануне 260-летия поэта и общественного деятеля в журнале ТГУ имени Г.Р. Державина "Вестник Тамбовского университета" опубликована статья С.Б. Прокудина "Державин и Пушкин", готовится к выходу в свет юбилейная книга, в состав которой войдут работы преподавателей и студентов вуза. Думается, что изучение поэтической системы Г.Р. Державина, оказавшей сильнейшее влияние на русскую литературу XIX и XX столетий, будет продолжаться и в наступившем веке теми, кому дороги традиции и ставшее родным Тамбову имя Гавриила Романовича Державина.

¹ Белинский В.Г. Литературные мечтания // Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С. 58.

² Авдошенко Е.В. Державин в Тамбове: поэт и губернатор // Творчество Г.Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: Материалы Юбилейной Междунар. науч. конф. [Тамбов, 14 – 16 сентября 1993 г.]. 1993. С. 8.

³ Прокудин С.Б. Героико-патриотическая поэзия Державина и Пушкина // Творчество Г.Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: Материалы Юбилейной Междунар. науч. конф. [Тамбов, 14 – 16 сентября 1993 г.]. 1993. С. 25–26.

⁴ Боева Л. Художественное время и пространство в оде Г.Р. Державина "Бог" // Кредо. Спец. вып. 250-летию Г.Р. Державина посвящается. 1993. ¹ 7–8. С. 42.

⁵ Михеев Ю.Э. Временная структура оды Г.Р. Державина "На смерть князя Мещерского" // Кредо. 1993. ¹ 7–8. С. 80.

⁶ Лиокумович Т. Б. Белорусские страницы биографии и творчества Г.Р. Державина // Кредо. 1993. ¹ 7–8. С. 76.

Л.Е. Вакулова

**Деятельность тамбовского
еврейского комитета в годы
Первой мировой войны (1914 – 1918)**

Войны всегда способствовали обострению социальных, политических и национальных противоречий в российском обществе. Не была исключением и Первая мировая война. Уже в августе 1914 года русские военные власти были встревожены призывом Политического отдела германского генштаба к евреям России восстать с оружием в руках и ударить по тылам русской армии. Эта ситуация усугубилась военными неудачами русских войск на фронте весной–летом 1915 года, что привело к массовой высылке евреев из прифронтовых районов. Поток беженцев и высленцев устремился вглубь Российской империи.

Когда беженское движение коснулось Тамбовской губернии, то сразу встал вопрос об оказании помощи нуждающимся. С этой целью в Тамбове был создан свой национальный еврейский комитет помощи жертвам войны. По документам Государственного Архива Тамбовской области можно детально проследить процесс создания этого комитета. В его состав входили адвокаты, служащие и представители местной интеллигенции. Власти всегда проверяли новых членов комитета на предмет их лояльности к существующему режиму.

Например, сохранился документ от 2 декабря 1916 года с грифом "Секретно. Срочно" от Помощника Правителя Канцелярии Губернатора Д. Сорокина в Жандармское управление с просьбой "сообщить... сведения о судимости и политической благонадежности... лиц, избранных в члены правления... Тамбовского Еврейского Комитета..."¹. Надо отметить, что проверкам подвергались и члены других комитетов, например, польского, латышского и т.д. Подобные комитеты также были созданы в Усманском и Козловском уездах.

11 августа 1915 года при Тамбовском Еврейском Комитете была создана Юридическая Консультация во главе с ее секретарем Я.Е. Жениером. По словам члена Петроградского Еврейского Комитета помощи жертвам войны А.Д. Лужека, только в Тамбове он столкнулся с организованной юридической помощью. Юридическая Консультация работала в тесном контакте с населением уездов Тамбовской губернии².

Тамбовский Еврейский Комитет проделал большую работу по оказанию помощи евреям-беженцам, о чем можно судить по регулярно составляемым отчетам. Прием беженцев проводился ежедневно в вечерние часы по улице Христорождественской в доме Лоскутова.

Комитет через Юридическую Консультацию осуществлял:

- помощь солдаткам по выдаче им денежных пособий;
- выдачу беженцам паспортов;
- розыск багажа, утерянного при железнодорожном переезде;
- рассмотрение гражданских исков, например, о выселении беженки из квартиры;
- розыск мужей и сыновей, находящихся в армии;
- определение детей в учебные заведения.

Патриотически настроенные тамбовские общественные деятели заявляли, что нравственный долг каждого человека, проживавшего вне театра военных действий, прийти на помощь всем пострадавшим от ужасов войны. Именно общественные организации подобного типа в какой-то степени помогали беженцам и высленцам обустроиться на новом месте, так как городские власти практически не занимались подобными вопросами в силу своей занятости другими проблемами, возникшими в условиях военного времени. К тому же власть проявляла недоверие к беженцам всех национальностей, проверяя их "политическую благонадежность" и ограничивая в правах, что показывало их нежелание оказывать им какую-либо помощь.

Таким образом, Тамбовский Еврейский Комитет своей деятельностью во многом помог местным властям в решении практических задач по оказанию помощи евреям-беженцам. В основном она сводилась к предоставлению юридических услуг и решению бюрократических вопросов. Но даже такая помощь оказывалась беженцам не во всех губерниях. Отличительной чертой деятельности Комитета была его работа непосредственно с населением, минуя чиновников разных уровней, что облегчало и без того нелегкое положение евреев-беженцев.

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9320. Л. 104.

² ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

Л.Е. Городнова

**"...РАЗРУШИТСЯ СЕЙ ДОМ,
ЗАСОХНЕТ БОР И САД..."**
(ландшафт и усадебный ансамбль села Зубриловки)

"...Разрушится сей дом, засохнет бор и сад..." – эти слова Державин написал о Званке, своем имении в Новгородской губернии, но в них предугадана судьба многих дворянских усадеб России. То же можно сказать об усадьбе князей Голицыных в селе Зубриловке Балашовского уезда Саратовской губернии, где ни однажды побывал Г.Р. Державин во время своего губернаторства в Тамбове.

Зубрилово (ныне Тамалинского района Пензенской области) – большое живописное село, расположенное в верхнем течении Хопра. Окружающий ландшафт – типичная лесостепь с преобладанием степных участков.

Своеобразно название села – Зубрилово. По словам старожилов, местные жители в свое время славились изготовлением пил. (По толковому словарю В.И. Даля: "Зубрило – это род долота для рассечки металла; зубрильщик – тот, кто зубрит, насекает; зубрильня – мастерская, где изготавливают напильники, пилы")¹.

Село расположилось между двух холмов в ложбине, рядом с рекой Хопер, которая в окрестностях села – не очень широкая, спокойная, чистая река, с затонами, водоворотами и шумящим водопадом на месте бывшей мельничной плотины. Дно и берега реки – песчаные. С севера и юга село окружают холмы. Северная возвышенность покрыта смешанным лесом с преобладанием дуба и осины. Южная возвышенность частично покрыта лесом, пересечена глубоким оврагом с быстрой речушкой и многочисленными родниками. Более красивого и удачного места в округе нет. Вид окрестностей с холмов потрясающий, даже дух захватывает: внизу, в зелени садов раскинулось село, которое с западной стороны как бы обнимает Хопер; за рекой – сосновый лес, а за лесом – степь, степь, степь. Именно здесь, в Зубриловке, на южной возвышенности находилась усадьба князей Голицыных. Имя архитектора Зубриловской усадьбы, к сожалению, неизвестно, но это обстоятельство отнюдь не умаляет достоинств и красоты усадебно-паркового ансамбля. Кто бы он ни был, Зубриловскую усадьбу, несомненно, создавал человек высокоталантливый.

Суметь тонко почувствовать природу, увидеть прелесть оврагов, холмов, речушек и мастерски дополнить образ, созданный самой природой действительно смог только человек гениальный. Главный принцип, которому следовал устроитель Зубриловского гнезда, – органичное сочетание красоты природного ландшафта с монументальным величием архитектуры эпохи русского классицизма. Эти принципы, взаимно дополняя друг друга, помогли добиться того, что красота, созданная человеком, гармонично слилась с красотой окружающего ландшафта, и в Богом забытой деревеньке появился один из роскошнейших усадебных ансамблей конца XVIII века.

Величественный усадебный дом, с двумя основными и цокольным этажами, имеет в плане правильный прямоугольник. Центральная ось фасада акцентирована широкой парадной лестницей, ведущей под своды шестиколонной ротонды, завершенной полусферическим куполом. Фасады декорированы рельефами, с использованием античных мотивов – букrania в обрамлении растительного орнамента (цен-

тральный вход) и розеток (по периметру). Храм Преображения в Зубриловской усадьбе, по монументальности может соперничать с некоторыми столичными образцами. Его объемы и пропорции повторяют тему, заданную архитектором в усадебном доме. Однокупольная церковь в плане, представляет собой прямоугольный монолит, с центральным шестиколонным портиком, поддерживающим фронтон с гладким тимпаном, который с восточной стороны уравновешен мощной абсидой. Барабан купола, прорезанный по всему периметру двенадцатью окнами, завершен изящной восьмиколонной ротондой. С внешней стороны, на оштукатуренной поверхности абсиды сохранилась фреска с изображением Вседержителя. В цокольном этаже церкви находилась усыпальница князей Голицыных.

Парковая зона усадьбы создавалась на месте бывшего леса. Природный ландшафт дополнялся рукотворными аллеями – липовыми, дубовыми, кленовыми. Парк был пейзажным: его создатели, следуя природным особенностям ландшафта, постарались подчеркнуть, а в некоторых случаях и предвосхитить, уже созданное природой величие. Примером может служить устройство в парке искусственного водоема-пруда, который подпитывался родниками. Вода через особое приспособление (отверстие) заполняла пруд, из другого – вытекала. Таким образом, водоем-пруд был постоянно наполнен свежей водой. Дополняли картину фонтаны, беседки, гроты, которые являлись неотъемлемыми атрибутами парка и были устроены в самых различных местах. Деревья и кустарники подстригались особым способом, образуя высокие, зеленые стены, создавая для гуляющего в парке иллюзию полного одиночества.

Зубриловка для Голицыных сделалась любимым местом пребывания. Они не жалели средств на устройство усадьбы и украшение дома; собрали здесь большую библиотеку и редкие произведения искусства. Имение князей Голицыных было одним из богатейших дворянских усадеб в России.

Тамбовский губернатор Г.Р. Державин был хорошо знаком с Голицыными и неоднократно с женой Екатериной Яковлевной посещал Зубриловку. Сюда его влекли красота природы, радушие хозяев и особое расположение к Варваре Васильевне, так как княгиня сама занималась литературой и переводила на русский язык французские романы. В 1790 году в Тамбовской типографии был напечатан переведенный ею роман "Заблуждения от любви". Когда в Тамбове Державин открыл народное училище, то "...В.В. Голицына (Зубриловская) пожертвовала в училище собрание кремнистых пород камней из коих примечания достойны, как редкостию, так и величиною топазовые, калцедоновые, сердоликовые..."². В последний раз в Зубриловке поэт был в декабре 1788 года. Когда появился указ Правительствующему Сенату, которым высочайше повелено отрешить Державина от должности правителя Тамбовского наместничества, Гавриил Романович отправляется с женой в Зубриловку, где оставляет ее на попечение Голицыных, а сам уезжает в Петербург. Красота Зубриловского ландшафта не могла оставить равнодушным Державина, поэтому он не обошел ее вниманием в своем поэтическом творчестве. "Осень в Зубриловке" – одна из самых значительных его од.

Наступивший XIX век внес свои изменения в архитектурный облик усадьбы державинского периода, в соответствии с веяниями времени и желаниям новых владельцев...

Судьба Голицынской усадьбы в XX веке сложилась весьма трагично. Она не дожила в своей первоначальной красоте до революции 1917 года. Еще в октябре 1905 года она была разграблена и сожжена местными крестьянами. В советское время в ней поочередно размещались сельскохозяйственная коммуна, дом отдыха для политработников, туберкулезный санаторий, что спасло усадьбу от преждевременного разорения. Но в конце 70-х годов санаторий закрыли (паводком унесло пристройку-кухню). И с этого времени, ставши бесхозными, парк, сад, дом уничтожались различными способами. В настоящее время усадьба являет собой печальное зрелище. Дом практически разрушен. В начале 90-х годов заезжие дельцы, под видом реставрации дома, сняли с крыши железо и разобрали обрешетку. И с этого времени дом начал разоряться основательно – снимали паркет, выпиливали деревянные перекрытия. Что не успевали снять или выпилить прогнивало от сырости.

Во флигеле живут люди, но его левая часть находится в аварийном состоянии.

Парк одичал. Но несколько деревьев-патриархов – дубов – в нем осталось. Посадки жимолости, жасмина, бузины переродились и срослись в непроходимые кущи. Некогда прямые парковые аллеи исчезли: деревья срубили, а дорожки покрылись ямами и ухабами, по ним ходит тяжелая сельскохозяйственная техника. Местные жители заготавливают в парке дрова. Все водоемы, фонтаны, гроты, беседки исчезли.

И только церковь продолжила свое существование и не подверглась дальнейшим разрушениям. В начале 90-х годов ее вернули верующим. С большим трудом внутри церкви сделан косметический ремонт. Силами семинаристов, они приезжают сюда на лето, приводится в порядок часть парка, отведенная церкви, восстанавливается некрополь князей Голицыных. В 1997 году настоятель храма обратился в местную администрацию с заявлением передать парк в ведение церкви. Но сельский сход отказал ему в

этой просьбе. Отказ означает, что парк, в конце-концов, умрет, как умирают дом, флигель, часовня. Одна из красивейших и богатейших дворянских усадеб России, связанная с такими именами как Державин, Крылов, Боратынский может быть ПОТЕРЯНА ДЛЯ НАС НАВСЕГДА.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. С. 696.

² Салиас Е. Г.Р. Державин. Правитель Тамбовского наместничества. Тамбов, 1871. С. 72.

Т. Ю. Дмитриева

**О НЕКОТОРЫХ ИЗДАНИЯХ
КОЛЛЕКЦИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
В ФОНДАХ ТОУНБ ИМ. А.С. ПУШКИНА**

Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина располагает уникальным собранием книг и периодических изданий, принадлежавших Гавриилу Романовичу Державину, которые являются важным источником изучения его литературной и общественной деятельности и составляют особую гордость Редкого фонда ТОУНБ.

В 1892 году выдающимся русским художником В.Д. Поленовым (1844 – 1927) в дар Особой Нарышкинской библиотеке были переданы обширные собрания книг его отца – Д.В. Поленова (1806 – 1872) и дяди Л.А. Воейкова (1818 – 1886) – родственника второй жены Державина Дарьи Алексеевны. В этом книжном собрании находились экземпляры из личной библиотеки Г.Р. Державина.

Процесс изучения, атрибутирования и определения принадлежности того или иного издания определенному владельцу является весьма сложным с научной точки зрения и длительным по времени. Сотрудникам отдела редкой книги потребовался не один год кропотливой работы для выделения из коллекций книг Д.В. Поленова и Л.А. Воейкова более трехсот экземпляров книг, журналов, брошюр и листовых материалов, принадлежавших Г.Р. Державину.

Библиотека Державина включала прижизненные издания отдельных стихотворений, од, элегий М. Ломоносова, А. Сумарокова, В. Майкова, М. Хераскова, В. Рубана, сочинения исторического характера отечественных авторов, переводные издания, комплекты хорошо известных журналов: "Вестник Европы", "Сын Отечества", "Московский зритель", "Санкт-Петербургский вестник", "Вечерняя заря", "Доброе намерение", "Древняя российская вивлиофика", "Экономический магазин". Особый научный интерес для исследования представляет экземпляр журнала "Старина и новизна" с публикацией первого печатного произведения Державина "Ироида" или "Письмо Вивлиды к Кавну" с авторскими правкой и пометками¹.

Очень редкое и необычайно интересное издание конволют, на корешке которого вытеснено: "Речи и слова торжественных собраний различных учреждений". Именно с него началась сложная работа по атрибутированию и определению принадлежности того или иного издания библиотеке Г.Р. Державина. 1764 – 1812 годы – таков хронологический охват произведений, включенных в конволют, который состоит из сорока изданий од, элегий, речей, приветствий, эпиграмм, писем и отдельных стихотворений известных русских авторов.

Конволют содержит "Устав воспитания двухсот благородных девиц" – часть сборника работ И.И. Бецкого, который был напечатан по заказу Академии Художеств тиражом 1200 экз. в 1768 – 1769 годах. И.И. Бецкой известен нам как русский государственный деятель, реформатор педагогической системы России времен Екатерины II. В его работах отражены педагогические планы, идеи, уставы, созданные для учебных заведений. Устав интересен по содержанию: в нем разработаны правила приема в общежитие благородных девиц, правила поведения и педагогические требования к учителям и воспитателям; отражены мысли автора о воспитании в целом. Нельзя не отметить, что многие положения Устава сохранили актуальность до наших дней и весьма поучительны для нас, живущих в XXI веке: "Повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое к добру склонное и праводушное сердце; а напоследок ... скромность и великодушие... Сие многих важных качеств наименование, употреблением своим и слиянием долженствует произвести совершенное молодых девиц воспитание..."².

Необычным по форме и содержанию является послание "На случай чтения Высочайше утвержденного Общества Любителей Словесности в зале Дарьи Алексеевны Державиной", известного писателя и

переводчика XVIII века графа Александра Хвостова, входящее в конволют. Оно адресовано Федору Петровичу Львову, директору Придворной певческой капеллы, автору нескольких брошюр и сборников стихотворений.

В доме Державиных часто устраивались литературные вечера, проводились чтения "Общества Любителей Словесности". Дарья Алексеевна была душой этих собраний, именно к ней обращены строки графа А. Хвостова:

"Хвала Державиной! Она
являясь вновь Супругу своему
достойную любовь,
питомцев Невских Муз
зовет на песнопенье,
.....
Здесь снова торжество!"³

Выше упоминалось, что Г.Р. Державин собирал и хранил комплекты многих журналов XVIII – начала XIX веков. В составе державинской коллекции сектора редкой книги особого внимания заслуживает журнал "Вестник Европы": он был основан Н.М. Карамзиным, ставшим и первым его редактором. Журнал выходил с 1802 по 1830 годы два раза в месяц: четыре номера составляли одну часть. В фонде ТОУНБ журнал представлен с большими пробелами, поэтому говорить о полноте комплекта не представляется возможным. Комплект "Вестника Европы" за 1805 – 1809 годы имеет своеобразный картонажный переплет, покрытый матовой, так называемой "мраморной" бумагой. Среди русских журналов, имеющих в ТОУНБ, такие переплеты встречаются только в державинской коллекции. На корешках номеров журнала имеется криптоним "Г.Д.", дешифруемый как Гаврила Державин. Наличие криптонима "Г.Д." в свое время явилось основным из идентифицирующих признаков определения принадлежности ряда журналов собранию Державина.

"Вестник Европы" являлся одним из первых русских литературно-политических изданий, однако, большой раздел в нем отводился художественной литературе. Известно, что Г.Р. Державин принимал участие в нем как автор. Так, в 14 за 1805 год была напечатана его ода "Память другу", по случаю кончины тайного советника Николая Александровича Львова (1751 – 1803) – выдающегося русского архитектора, литератора, поэта. Гавриил Романович очень дорожил своими отношениями с близкими ему по духу и устремлениям людьми, переживал их уход из жизни. В одном из писем к Державину Львов упоминает о своем желании воздвигнуть монумент своему другу и поэту, но судьбе было угодно распорядиться иначе... И, поэтому, в конце оды более понятными становятся такие строки:

Кто памятник над мной
поставит?
Под дубом тот сумрачный
свод?⁴

На сегодняшний день наиболее неизученным в научном отношении является фонд старопечатных журналов (по 1830 год) сектора редкой книги, поэтому существует вероятность пополнения "Коллекции Г.Р. Державина" журналами XVIII – начала XIX веков. Вероятность пополнения коллекции книгами хотя и существует, но она невелика, так как основную работу по их изучению и атрибутированию можно считать завершенной.

¹ Письмо Вивлиды к Кавну или Ироида // Старина и новизна. 1773. Ч. 2. С. 31–50.

² Бецкой И.И. Устав воспитания двухсот благородных девиц учрежденного е.в. государынею имп. Екатериною Второю... СПб., 1768 – 1769. С. 42.

³ Хвостов А.С. Федору Петровичу Львову на случай чтения высочайше утвержденного Общ-ва Любителей Словесности... СПб., 1812 // Речи и слова торжественных собраний различных учреждений. Без года изд. С. 271.

⁴ Державин Г.Р. Память друга // Вестник Европы. 1805. 14. С. 300.

ТВОРЧЕСТВО Г.Р. ДЕРЖАВИНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХОРЕОГРАФИИ

Выдающийся деятель отечественного Просвещения Г.Р. Державин внес значительный вклад в развитие российской культуры. Он проявил энциклопедические познания в различных жанрах искусства, не обойдя вниманием и хореографию – жанр, чрезвычайно мало представленный в эстетической и искусствоведческой литературе конца XVIII – начала XIX веков. Г.Р. Державин, не уделяя внимания специальному изучению танцевального искусства, в своем творчестве и организаторско-управленческой деятельности во многом способствовал превращению танцевального искусства в жанр, достойный эстетического обоснования и исследования.

В центре внимания этого государственного и общественного деятеля, в частности, оказался танцевальный фольклор. Державин стал первым русским поэтом, который заговорил в своих стихах о русской пляске, танцевальном искусстве русских крестьян. Так, одно из лучших стихотворений Державина содержит в себе приглашение Анакреонту полюбоваться пляской молодых русских крестьянок:

Зрел ли ты, певец Тилский!
Как в лугу весной бычка¹
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмачками в лад стуча,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
.....
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был²

В творчестве Державина простонародный танец становится зрелищем, приравненным к настоящему балетному искусству. Державин оставил очень яркие с художественной точки зрения его описания, передающие динамику и своеобразие русского танца. Правда, русские красавицы и русский танец осознаются у Державина как явления эстетические, сопоставимые с принятыми в то время эталонами красоты, основанные на достижениях античного искусства.

Из переписки с поэтом Дмитриевым следует, что Державин обратил внимание и на эстетические особенности цыганского танца. Г.Р. Державин не согласился с уничижительной оценкой Дмитриевым цыганского искусства, написав стихотворение "Цыганская пляска":

Возьми, египтянка³, гитару,
Ударь по струнам, восклицай:
Исполнясь сладострастно жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица...⁴

Дмитриев видит в цыганской пляске только дикое и странное явление, а Державин – первый из русских поэтов – увидел ее красоту и страстность. Именно это державинское стихотворение, с такой силой и восторгом выразившее изумление поэта страстностью и энергией цыганской песни и танца, позже увлекло Пушкина, Фета, Полонского, Блока...

Державин, одним из первых стал рассматривать танец в контексте традиционной художественной культуры. В частности, он подметил неразрывную связь танцевального фольклора с общей структурой обрядово-праздничного действия:

**Из жерл чугунных гром по праздникам ревет
Под звездной молнией, под светлыми древами**

Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками⁵.

В этом стихотворении после крестьянского празднества действие переносится в барский дом: в развлечениях барской семьи появляется идиллия в ее "классическом" виде – с пастушками и пастушками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем:
Велим талантами родными своим детям
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.
Амурчиков, харит плетень, иль хоровод
Заняв у Талии игру и Терпсихоры
Цветочные венки пастух пастушке вьет, –
А мы на них и пялим взоры.⁶

Следовательно, "столичное увеселение", искусственное зрелище – балет пастушков – Державин сопоставил с естественной красотой крестьянского праздника и танцев крестьян. В непродолжительный срок губернаторства Г.Р. Державин совместно с супругой Екатериной Яковлевной внес большой вклад в развитие светской хореографии. В губернаторском доме были организованы классы для детей и молодежи, где раз в неделю давались уроки танцев, для чего были приглашены в Тамбов танцмейстер с дочерью-ассистентом. Несмотря на высокую цену этих занятий, они пользовались популярностью: танцевало не менее двадцати пар.

Регулярными в губернаторском доме были и светские балы, которые на рубеже XVIII и XIX веков в провинции служили главным средством приобщения к культуре. Г.Р. Державин в своих "Записках" вспоминает, что после назначения его губернатором в Тамбов там был устроен бал, который он уже со своей стороны повторял в продолжении лета, осени и зима даже в наступающем году: "...но они не так служили к одному увеселению, но и к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходимо, что ни одеться, ни войти, ни общаться, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах".

Во времена Державина в провинции бал сохранял черты патриархальной простоты. Состав его был более пестрым в отношении танца, количества и возраста участников. Хозяин дома открывал их обыкновенно польским с почтеннейшей из дам, мужчины выступали важно, выделывая па, меняли руки и этот церемониальный марш продолжался не менее получаса. Потом начинались англезы и контрдансы, как их называли: ряд мужчин становился против ряда женщин, старались сколь можно более разнообразить фигуры и сами названия этих контрдансов. После французской кадрили танцевали менуэты, потом аллеманду или шенфогель. Заканчивался бал алагреком – разновидностью гротеска.

Открытие постоянного театра в Тамбове 24 ноября 1788 года сопровождалось премьерой комедии Державина "Так и должно". Спектакль в традициях того времени сопровождался вставными хореографическими дивертисментами. Прямого описания сценических хореографических решений, конечно, не сохранилось, но можно предположить, что согласно традициям конца XVIII века балет не имел ничего общего с сюжетом спектакля и делился на выходы. Танцы были разделены на три основных вида: серьезные, полухарактерные и комические. Серьезный танец – прообраз современного классического – требовал академической строгости исполнения, красоты внешней формы, изящества, переходившего иногда в жеманство. Это был "благородный" танец, приличествующий персонажам трагедии классического театра – царям, богам и мифологическим героям. Комический танец отличался виртуозностью, допускал утрировку движений и импровизацию. Им пользовались при исполнении гротескных и экзотических танцев, свойственных комедиям театра классицизма. Наконец, полухарактерный танец олицетворял силу природы или человеческие страсти, а также мифологические – пляски фурий, нимф, сатиров и т.п. Именно такие номера и сопровождали появление на сцене в комедии "Так и должно" таких персонажей, как Пустынник, Гений, Талия и Мельпомена. Тем самым можно констатировать, что проблематика хореографического искусства, бытовой хореографии и танцевального фольклора занимала немало

важное место в творческих исканиях и свершениях Г.Р. Державина. Универсальность его таланта предопределила особую значимость идей поэта-просветителя для развития в России искусства хореографии.

¹ Крестьянский танец.

² Державин Г.Р. Алмазна сыплется гора. М., 1972. С. 240.

³ В XVIII веке цыган считали потомками древних египтян.

⁴ Державин Г.Р. Указ. соч. С. 146.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Там же.

М.В. Домарева

Г.Р. ДЕРЖАВИН И МУЗЫКА

Среди имен, связанных с тамбовским краем, на одном из первых мест стоит имя замечательного русского поэта, виднейшего представителя эпохи классицизма Гаврилы Романовича Державина. Высокие гражданские чувства, мощь и самобытность его поэзии, а также многогранность творческих устремлений Державина обусловили его воздействие на развитие русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX веков.

Для нас в Державине интересны его многозначные богатые связи с музыкой. Соприкосновения Державина с музыкой были разносторонними и более многоплановыми, чем у любого из русских поэтов, его современников. Музыка заняла особое место в творчестве Державина и в области поэзии, где образы, приемы и даже отдельные жанры немыслимы вне музыки, и в области драматических произведений, где он предчувствовал огромные возможности будущей русской оперной культуры; и в теоретических работах, затрагивавших вопросы музыки. При этом он не только любил и ценил музыку, но и умел организовать музыкальную жизнь, проявляя себя в этом направлении незаурядным культурным деятелем, о чем в особенности свидетельствует его наместничество в Тамбове.

Особое значение для формирования музыкального вкуса Державина имел период на рубеже 70 – 80-х годов XVIII века, когда он сблизился в Петербурге с талантливим поэтом, исследователем народной поэзии и народной песни Н.А. Львовым. Заметна близость к литературному кружку Львова–Державина придворного музыканта, "камер-гуслиста" В.Ф. Трутовского, издавшего в 1776 году первую, а в 1778 году вторую часть сборника "Собрание русских простых песен с нотами". Наряду с обработками народных песен во вторую часть вошло и единственное сохранившееся самостоятельное вокальное произведение самого Трутовского – застольная песня "Кружка" ("Краса пирующих друзей...") на стихи Г.Р. Державина. Значение этого факта трудно переоценить: впервые в истории русской музыки появилось самостоятельное композиторское сочинение – вокальное произведение на индивидуальный авторский стихотворный текст. Этот текст был основан на новой системе стихосложения и вызвал применение новой, в отличие от фольклорной, системы музыкальной речи.

Предполагается, что по инициативе Г.Р. Державина была создана одна из первых русских опер "Ямщики на подставе" (композитор Е.И. Фомин, автор либретто Н.А. Львов). В честь празднования 350-летнего юбилея города Тамбова в 1986 году (в третий раз за двести лет) опера Е.И. Фомина была поставлена на сцене Тамбовского музыкального училища им. С.В. Рахманинова силами студентов и преподавателей ТГИК.

Деятельность Державина как организатора культурной (и, в частности, музыкальной) жизни проявилась в годы его наместничества в Тамбове (1786 – 1788). Желая совершенно изменить музыкальный облик Тамбова, Державин вводил новые, современные, "модные" формы общественной и музыкальной жизни, такие как театрализованные празднества на какой-нибудь торжественный случай или домашние любительские оперные постановки.

Поэт активно взялся за устройство подобных празднеств и сам составлял их сценарии. Так, им составлен подробный план своего рода "панегирического действия" под названием "Торжество восшествия на престол императрицы Екатерины II, отправленное в Тамбове губернатором Державиным в его доме 1786 года 28 июня" и другого спектакля "Пролога в одном действии на открытие в Тамбове театра и народного

училища, представленного благородным обществом на театре в доме губернатора Державина 1786 года 24 ноября"¹.

Живо интересуясь театральными новинками, появляющимися в столице, Державин устраивал оперные постановки и у себя в доме. Сохранившиеся свидетельства говорят о том, что Державин всеми силами насаждал в Тамбове вкус к новым видам искусства вместе с новыми формами самого художественного любительства.

В следующем, петербургском периоде жизни поэта, важным событием для отечественной культуры стало создание Державиным текста предвозвестника российского гимна – "Гром победы раздавайся!" (музыка О. Козловского). Это произведение в жанре полонеза служило долгое время классическим образцом торжественной церемониальной музыки, выполняя фактически функцию государственного гимна. Оно оставалось популярным в России до середины XIX века, а затем использовалось в качестве музыкальной характеристики эпохи. Так, П.И. Чайковский взял один из вариантов этого полонеза для характеристики дворцового быта в третьей картине оперы "Пиковая дама".

Стержень творчества Державина – идея прославления Отечества. В очерке "Рассуждение о лирической поэзии, или об оде", посвященном эстетике музыкального искусства, литературы, театра, Державин призывал "воспеть" в музыкально-драматических сочинениях "бессмертную память героев Отечества". Достоинство осуществить мечту поэта выпало талантливому русскому композитору Степану Аникеевичу Десяряеву (из крепостных графа Шереметева). Он написал одну из первых русских ораторий "Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы". После премьеры оратории 9 марта 1811 года в журнале "Вестник Европы" был опубликован блестящий отзыв, подписанный инициалами "Г.Д." (Гаврила Державин)².

Отзыв интересен как пример талантливой музыковедческой рецензии. В ней следует отметить хорошее знание особенности жанра, стремление открыто и полно выразить радость и гордость за отечественное искусство.

Впоследствии Г.Р. Державин добивался официального признания заслуг автора оратории – "русского Гайдна" – С.А. Десяряева, написавшего произведение, "составившего важную эпоху в истории нашей отечественной музыки".

¹ Грот Я. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. СПб., 1800. Т. 6. С. 562–565.

² Державин Г.Р. Московские записки // Вестник Европы. 1811. ¹ 7. С. 56.

А.Е. Домогатская

УЧЕНИЧЕСКИЕ ДРУЖИНЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1918)

Одним из важнейших направлений патриотической деятельности учащихся Тамбовской губернии в период Первой мировой войны 1914 – 1918 годов явилась трудовая помощь семьям призванных на войну. На селе особенно остро ощущалась нехватка рабочих рук и одним из источников пополнения трудовых ресурсов явилась организация ученических дружин. Конечно, от многих учащихся, не знавших прежде сельскохозяйственного труда, сложно было ожидать больших успехов в этом деле, но все же помощь солдатским семьям, оставшихся без "кормильца", оказывалась весьма ощутимой. Многим солдатским женам ученические дружины не только помогли в сборе урожая, но и в других домашних заботах (заготовке дров, вывозе навоза, ремонте помещений и пр.).

Первые ученические дружины появились в России в 1915 году, но уже к 1916 году они действовали почти повсеместно.

В Тамбовской губернии были выработаны специальные правила организации трудовых дружин из учащихся старших классов, в которых оговаривались детали выезда учеников на полевые работы. Прежде всего, в этих правилах подчеркивалась добровольность формирования трудовых дружин старшеклассниками мужских учебных заведений путем подачи заявления самим учащимся и согласия его родителей. Трудовые дружины должны были обслуживать хозяйства запасных и ратников ополчения, особо

нуждающихся в рабочих руках при исполнении полевых работ, по указаниям агрономов при уездной земской управе, их помощников и инструкторов. Дружины могли насчитывать от 10 до 15 человек во главе с участковым агрономом. Дружинники-учащиеся как добровольцы за свой труд не получали никакого вознаграждения, а уездные земские управы возмещали их расходы на питание и наем квартир. Общее руководство деятельностью ученических дружин принадлежало лично губернатору¹.

Как же была организована работа этих ученических дружин и насколько эффективен был их труд? Рабочий день дружинников длился 6–7 часов, так как выходили они на работу только после 9 утра. Отношение населения к учащимся было различное; были случаи, когда солдатики благодарили учащихся, оставались довольными их работой. Были случаи и недоброжелательного отношения к ним, когда некоторые крестьяне считали малопродуктивной их работу, находили для себя стеснительным их кормить². Конечно же, стоимость содержания дружины была выше стоимости произведенных ей работ, но учащиеся помогали солдатским семьям посильным физическим трудом, что при недостатке рабочих рук приносило несомненную пользу. К тому же это был первый опыт физического труда самих учащихся, многие из которых никогда прежде не брали в руки, сельскохозяйственных орудий. Таким образом, во время возникающих перерывов в школах, связанных с войной, во время каникул, учащиеся были заняты важным делом, оказывали посильную помощь всем, кто в годы войны в этом особенно нуждался. Тем самым они не только выполняли патриотический долг, но и овладевали новыми для себя профессиями и навыками, которые могли им пригодиться в дальнейшей жизни.

¹ Тамбовский край. 1916. 16 июля.

² Ученики-рабочие // В дни войны. 1916. ¹ 24. С. 18.

Т. В. Зверева

ЭПИДЕМИИ И БОЛЕЗНИ НА ТАМБОВЩИНЕ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Еще в дореволюционные годы Тамбовская губерния была известна широким распространением бытовых болезней (сифилис, туберкулез), паразитарных тифов, высокой детской смертностью. Последний довоенный отчет Тамбовского губернского санитарного бюро о заболеваемости в губернии за 1914 год содержал следующие данные (на 10 тысяч населения): брюшной тиф – 31, сыпной – 34, дизентерия – 20, оспа натуральная – 13, скарлатина – 37, дифтерия – 69 случаев.

Эти явно тревожные показатели в 1914 – 1917 годах стали угрожающими, а возникший в 1919 году Тамбовский губздравотдел столкнулся уже с настоящим бедствием, охватившим почти всю губернию. Точные размеры этого бедствия установить так и не удалось из-за неполноты сведений из уездов. Труднейшая обстановка гражданской войны и хозяйственной разрухи не позволяла обеспечивать полноценную отчетность, но и того, что сохранили нам архивы, достаточно, чтобы представить, с какими трудностями столкнулось здравоохранение Тамбовской губернии на этом этапе.

В 1918 году в губернии вспыхнула небывалая эпидемия "испанки", которая захватила 180 тысяч человек. Отмечалось немало смертельных исходов. В 1919 году распространяется сыпной тиф. Число заболевших превышает 230 тысяч человек. В 1920 году Наркомздрав регистрирует по губернии, кроме других заболеваний, 96 тысяч случаев возвратного тифа.

В Тамбовском уезде за полтора года противостояния эпидемиям переболел тифом весь медперсонал. Погибли заведующий Рассказовской больницей врач Л.Л. Васильев и восемь человек среднего медперсонала. Список можно продолжить жертвами среди медработников Козловского, Шацкого, Липецкого и других уездов.

Эпидемии, охватившие губернию, пошли на убыль не сразу. Перелом наметился лишь в 1923 году, а в 1924 году инфекционные заболевания значительно снизились.

Крупным событием для губернии явилось открытие в Тамбове в марте 1918 года института эпидемиологии и микробиологии (ТИЭМ). Он был оснащен первоклассным для того времени оборудованием, укомплектован опытными научными кадрами. Возглавляемый эрудированным бактериологом и энергичным организатором доктором медицины А.К. Чарноцким, институт сыграл большую роль в борьбе с эпидемиями, просуществовав до 1953 года.

В октябре 1920 года в Тамбове был открыт первый в губернии и один из первых в Российской Федерации противотуберкулезный диспансер, в декабре 1922 года – диспансер по борьбе с венерическими болезнями (врач Л.Ф. Бурнштейн). В это время в губернии зарегистрировано 13 971 больных сифилисом, только в Тамбовском уезде их было 6851 человек. Лечение венерических болезней, как специальная отрасль медицины, имеет в прошлом Тамбовской губернии, пожалуй, самую большую историю, уходящую в XVIII век. О сифилисе в Тамбовской губернии имеется много литературы, она, независимо от времени и авторов, подтверждает высокую заболеваемость населения. Десятилетиями сифилис беспрестанно распространялся в губернии.

Таким образом, противостояние эпидемиям в 20-е годы XX века в Тамбовской губернии протекало в сложных условиях, и нередко перевес был не на стороне людей в белых халатах. Но родившись среди бурь и тревог революционных лет тамбовская медицина доказала свою состоятельность.

С.Ю. Истомина

ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНИХ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЗЕМСКИЙ ПЕРИОД

В феврале 1866 года Тамбовская губернская земская управа закончила прием больничного имущества Приказа общественного призрения. Вместе с больницей земство должно было принять и организацию обучения фельдшерских учеников и повивальных бабок. Система обучения в больницах Приказа общественного призрения была поставлена неудовлетворительно: она не давала теоретических сведений и сводилась к практическому усвоению простых приемов ухода за больными. Суть учебного дела была не в приобретении знаний, а в воспитании покорных исполнителей воли врача и старшего фельдшера.

7 декабря 1867 года на очередном губернском земском собрании по инициативе старшего врача, доктора медицины Э.Х. Икавитца, был озвучен доклад управы и совещания врачей о реформе обучения лиц, ищущих звания фельдшеров и акушерок. Предполагалось основать фельдшерскую школу для молодых людей и повивальный институт для желающих обучаться повивальному искусству. Правила 1867 года положили в основание среднего медицинского образования системность преподавания и бесплатность не только обучения, но и содержания.

13 марта 1868 года при Тамбовской губернской земской больнице была открыта фельдшерская школа для мужчин и повивальная (акушерская) для женщин, с трехгодичным курсом образования, содержащаяся за счет земства и состоящая в ведении губернской земской управы. Первым директором школы был назначен Э.Х. Икавитц. В последующие годы директорами этого старейшего в России медицинского учебного заведения были известные медики: доктор медицины И.И. Гаген-Торн, доктор медицины М.И. Яковлев, профессор А.Х. Ринек, доктор медицины П.А. Баратынский.

В первые десятилетия в школе преподавали следующие дисциплины: на 1 – 3 курсах Закон Божий, русский и латинский языки, арифметику и анатомию, фармакологию; на 2–3 курсах – внутреннюю патологию, рецептуру и оперативную хирургию; на 3 курсе – практическую хирургию и терапию, физиологию, ботанику и токсикологию, способы ухода за больными¹.

К 1890 годам трехлетний курс фельдшерской школы, установленный уставом 1876 года, оказался недостаточным. Первый съезд земских врачей 1889 года нашел необходимым, чтобы фельдшера и фельдшерицы по окончании курса оставались еще на год при губернской больнице для практических занятий. В новом уставе школы 1891 года полный курс учения был назначен четырехлетний, а фельдшерская школа была разделена на мужскую и женскую. 4-й класс был открыт в 1893 году; в 1897 году министерством внутренних дел изданы программы фельдшерского курса, в соответствии с которым губернское земство реформировало школу, повысив образовательный ценз поступающих и увеличив число уроков².

На Третьем губернском совещании врачей и представителей земств в 1899 году врачом С.А. Ханелессом был сделан доклад по общему уровню низшего и среднего медицинского персонала Тамбовской губернии. В частности, целью его доклада был показ соотношения профессионального уровня выпускников Тамбовской фельдшерской школы с персоналом, получившим иное образование или в других губерниях.

По данным 1898 – 1899 годов, из 313 лиц среднего и младшего медицинского персонала в Тамбове имели местное образование 157, т.е. 50 %. Почти $\frac{1}{3}$ их составляли ротные фельдшера, в то время как

крайняя ограниченность их медицинских познаний при отсутствии общего образования уже не единожды заставляла земских врачей настаивать на полном исключении их из системы земской медицинской помощи.

Повивальные бабки составляли 12 %; при том минимуме медицинских сведений, которые они получали в медицинских школах, их помощь была полезной только при родах, тогда как в земстве очень часто они исполняли обязанности фельдшерниц-акушерок. Такое положение вещей нельзя было признать нормальным, оно также требовало активного вмешательства земской общественности.

В соответствии с требованиями времени, не менее важную роль играло общее образование, от которого во многом зависели культурный уровень и мировоззрение, особенно нужные в медицине, где нет стандартных решений и все решает каждый конкретный случай. Данные по фельдшерскому персоналу показали, что более $\frac{3}{4}$ имели крайне ограниченное образование или неоконченное. Женский персонал в общем был образованнее мужского, многие учились в средних учебных заведениях³.

В 1901 году мужская фельдшерская и акушерская школы были ликвидированы, вместо них создана одна женская фельдшерская школа с четырехгодичным курсом обучения: окончившие ее получали звание фельдшерниц-акушерок. В качестве повода для отказа в принятии в фельдшерскую школу мужчин земские врачи нашли ряд убедительных обоснований. Так, врачом П.М. Красниковым было отмечено, что ученицы с большей общей подготовкой и с гимназическим образованием скорее смогут усвоить специальные знания. По наблюдениям врача М.М. Настюкова, ученицы занимаются лучше и прилежнее, чем ученики, и с большей любовью относятся к делу. Также предполагалось, что в новую школу пойдут девушки с гимназическим образованием⁴.

Основная масса учениц приходилась на 18 – 25-летних: они составляли более $\frac{3}{4}$ всего числа учащихся, старше 25 лет было менее $\frac{1}{4}$, самую незначительную часть составляли 16–17-летние ученицы. Что касается социального состава учениц, то за весь период существования школы преобладающую часть составляли крестьянки. В отчете за 1911 – 1912 годы из 209 учащихся они составили почти 50 %. Мещанки составили почти $\frac{1}{3}$; дочери чиновников и почетных граждан составили вместе около 13,5 %; меньше всего обучалось купчих, дворянок и дочерей священнослужителей⁵. Такая тенденция не случайна – в ученицы шли в основном девушки из малообеспеченных семей крестьян или горожан, поскольку они получали недорогое, а порой и бесплатное образование и, в дальнейшем, возможность трудоустройства. Из других слоев общества в фельдшерско-акушерскую школу шли только в случаях материального неблагополучия, в расчете на бесплатное обучение. Показавших хорошую успеваемость и успешно сдавших вступительные экзамены брали в школу бесплатно, но подобные вакансии всегда были ограничены. На содержание таких учениц деньги выделялись Тамбовской уездной или губернской земскими управами⁶.

Всего с 1868 по 1913 годы школу окончили 1211 человек, т.е., в среднем, 30 человек за год⁷. Это число весьма невелико; если учесть, что с 1901 года школа была исключительно женской, то общий итог ее деятельности по существу незначителен. Образовательный ценз фельдшерниц-акушерок, выпускаемых школой, по общему мнению земских врачей, долгое время был недостаточен и нуждался в значительном повышении, что произошло только в XX веке, с введением 4-го класса и новых дисциплин.

К сожалению, Первая мировая война помешала дальнейшему реформированию системы среднего медицинского образования в Тамбовской губернии. В последние годы существования земства не уделялось должного внимания тамбовской фельдшерско-акушерской школе. Новый этап в подготовке средних медицинских кадров был связан уже с советским этапом развития системы здравоохранения.

¹ ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 3986. Л. 46, 47, 50–53.

² Исторический очерк фельдшерской школы Тамбовского губернского земства (1868 – 1913) директора П.А. Баратынского. Тамбов, 1915. С. 83, 233.

³ Третье губернское совещание (VI съезд) врачей и представителей земств Тамбовской губернии (16 – 22 июля 1899 г.). Тамбов, 1899. Вып. 1. С. 26–27.

⁴ Третье губернское совещание (VI съезд) врачей и представителей земств Тамбовской губернии (16 – 22 июля 1899 г.). Тамбов, 1899. Вып. 1. С. 26–27, 193.

⁵ Там же. С. 11–12.

⁶ ГАТО. Ф. 145. Оп. 2. Д. 2091. Л. 2; Д. 4799. Л. 15.

⁷ Долгушин И.С. Записки Тамбовского врача. Тамбов, 1997. С. 198.

СУДЬБА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ТАМБОВСКИХ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Река времен в своем стремленьи

Уносит все дела людей,

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей¹.

Мудрость этих последних Державинских строк придает особый смысл рассуждениям об историческом пути России сквозь прошедшие XIX и XX века, "река времен" которых в своем стремительном потоке неизбежно унесла многие дела рук и мыслей человеческих, сменила жизненные и духовные ориентиры, по-новому осмысливая опыт предшествующих поколений. Эти потери были результатом как естественного течения времени, так и политических катаклизмов, в которых рушилось даже самое святое, если оно напоминало о неуютном прошлом.

Усадебные комплексы тамбовского дворянства, которые начали формироваться во времена Державина, стали к концу XIX века хранилищами фамильных портретных галерей, богатейших библиотек и архивов, художественных коллекций отечественной и зарубежной культуры. Они позволили провинциальным дворянским усадьбам обрести самоценное историко-культурное значение. Тамбовская земля была средоточием настоящих сокровищ, частички которых находились в усадебных коллекциях таких известных дворянских родов, как Загряжских-Строгановых в Кариан-Знаменском и Воронцовых-Болдыревых в Воронцовке, собравших уникальную коллекцию предметов отечественного и западно-европейского искусства, Боратынских в Маре – хранителей архива Е.А. Боратынского и А.А. Дельвига, Чичериных в Карауле, где остались рукописи и библиотека Б.Н. Чичерина, Бенкендорфов в Сосновке, Волконских в Павловке и т.д. Даже эти перечисления определяют уровень провинциальной культуры Тамбовской губернии, как одной из жемчужин российского национального богатства.

Но беспощадными оказались бурные потоки стремительной цепи революционных событий начала XX века, предававшие огню и разграблению родовые дворянские гнезда, уничтожавшие многовековое историко-культурное наследие, глумясь даже над захоронениями бывших господ. Национализация обернулась широкомасштабным истреблением "накопленного добра" и сравнением с землей памятников материальной и духовной жизни поместного дворянства, отвергая, в большинстве случаев, какое-либо применение обнаруженных ценностей в будущем развитии нового государства.

5 октября 1918 года Совет народных комиссаров (СНК) выпустил декрет "О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений в целях сохранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких трудящихся масс населения с сокровищами искусства и старины, находящихся в России"². Тамбовским губернским земельным отделом были составлены списки более чем 500 имений, из которых 22 "культурные" усадьбы были поставлены на особый учет музейным подотделом Наробраз³. Это были имения Знаменка, Воронцовка, Караул, Ивановка, Павловка, Вязовка, Сосновка и другие, в которых "бывшие господа, имея средства и свободное время", собрали "ценные по содержанию" библиотеки и коллекции, представляющие художественный и исторический интерес⁴. Теперь они "берутся на учет местными властями и поступают на их ответственную охрану"⁵. Архивные документы 1919 года свидетельствуют, что ценности дворянских усадеб зачастую не проходили даже регистрацию. Не всегда мотивированным был подход к изъятию тех или иных предметов "искусства и старины", оставлявший за пределами внимания многие, в буквальном смысле, настоящие шедевры, обрекая их на разграбление и гибель. По отчетам земотделов подвергались "беспощадному расхищению" имения Сатиных и Рахманиновых, Петрово-Соловово, Чичериных, даже несмотря на то, что на Караул еще летом 1918 года была выдана охранная грамота⁶.

Приехавшие в тамбовскую губернию эмиссары Наркомпроса смогли квалифицированно описать оставшиеся в национализированных дворянских имениях культурные ценности, многие из которых являются единичными. Ни в одной частной или музейной коллекции не было столько работ Ф. Рокотова и Д. Левицкого как в Воронцовском имении Болдыревых (потомков знаменитых Воронцовых), а из имения Строгановых в Знаменке было вывезено 146 картин русских и иностранных художников, составивших основу художественного отдела Губернского музея⁷. Правда, поднимался вопрос о нецелесообразности вывоза ценностей из Знаменки, так как "в музеях для просветительных целей нуждаются не только жители города, но и деревни"⁸. Было предложено Губотделом народного образования организовать музей дворянского быта "в циркульном зале большого дома Знаменского культурного хозяйства"⁹. Но эта идея не нашла своего должного воплощения, к сожалению, и по сей день.

К июлю 1919 года эмиссарами было обследовано более 20 дворянских усадеб, среди которых Заметчина Долгоруких, Матчерка Пашковых и Сосновка Бенкендорфа в Моршанском уезде, Лотарево Вяземских в Усманском уезде, Нижнее Мальцево Воронцовых-Вельяминовых в Шацком уезде, Синявка Хвоцинских в Липецком уезде и др.¹⁰ Наиболее ценные вещи были увезены в Москву и распределены в столичные музейные и архивные фонды. И сегодня тамбовские сокровища украшают экспозиции ведущих музеев России.

Был буквально спасен "Музей декабристов", созданный Сергеем Михайловичем Волконским, внуком декабриста С.Г. Волконского, в Павловском имении Борисоглебского уезда. После национализации в 1918 году Сергей Михайлович перевез коллекцию музея, а также наиболее ценные вещи из родового имения в г. Борисоглебск. В библиотеке Народного дома им. Чернышевского им была организована "Выставка декабристов", среди экспонатов которой были портреты Волконских, личные вещи декабристов, рисунки Н. Бестужева, Н. Богданова-Бельского, К. Брюлова, К. Рейхеля, виды казематов Петровского завода и Читинского острога¹¹. Но выставка просуществовала недолго и, в связи с военным положением, ее пришлось вскоре перенести на хранение в Борисоглебский городской школьный музей. Судя по сохранившимся в архиве спискам вещей из коллекции Волконских, с выставки бесследно исчезли рукописи с подписями Робеспьера и Бонапарта, а также автографы стихотворений В. Одоевского и А.С. Пушкина¹². Но почти 300 предметов из Павловского имения были сохранены стараниями школьного учителя А.П. Ефимова, скрывшего от денкинских казаков, расквартированных в школе, "само существование музея" в соседней с ними комнате¹³. Часть вещей из этой коллекции затем была передана в фонды Румянцевского музея.

А в Караульском имении Чичериных, даже после вывоза наиболее значимых картин и гравюр, библиотеки и фамильного архива, еще оставалось столько интересных живописных и скульптурных работ, изделий прикладного искусства и предметов мебели, что стало возможным в 1923 году устроить там музей. Но оставлять культурные ценности в такое беспокойное время далеко от города посчитали все же нецелесообразным, и в 1925 году музей закрыли, а экспонаты перевезли в Тамбов. А в 1927 году снимаются с учета в музейном отделе Главнауки как "не представляющие ничего особенного" дом Чичериных в Тамбове и усадьба Сатиных-Рахманиновых в Ивановке¹⁴.

Наше страстное желание в начале XXI века оживить память о Боратынских в Маре, Бенкендорфах в Сосновке, Загрязских-Строгановых в Знаменке, Воронцовых в Воронцовке, Воронцовых-Дашковых в Новотомникове, Воейковых и Поленовых в Ольшанке, к сожалению, наталкивается почти на полное отсутствие как мемориальных коллекций, так и усадебных строений, унесенных "рекой времен" XX столетия.

Как горько понимать безвозвратность ухода бесценного культурного наследия прошлого, и поэтому не теряют своей актуальности и сегодня проблемы сохранения оставшихся памятников, даже если Г.Р. Державин был прав, написав:

А если что и остается

Чрез звуки лиры и трубы,

То вечности жерлом пожрется

И общей не уйдет судьбы¹⁵.

¹ Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 360.

² ГАТО. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 120. Ч. 1. Л. 412 (об).

³ Там же. Л. 410 (об).

⁴ Там же. Л. 414 (об).

⁵ Там же. Л. 413 (об).

⁶ Там же. Л. 407; Ф.Р.-1404. Оп. 1. Д. 387. Л. 89.

⁷ ГАТО. Ф.Р.-1404. Оп. 1. Д. 366. Л. 5.

⁸ ГАТО. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 120. Ч. 1. Л. 408.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАТО. Ф.Р.-1404. Оп. 1. Д. 366. Л. 15.

¹¹ ГАТО. Ф.Р.-1404. Оп. 1. Д. 244. Л. 5.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 25.

¹⁴ ГАТО. Ф.Р.-1404. Оп. 1. Д. 1676 (б). Л. 20.

¹⁵ Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 360.

Г. К. Котова

СТАРАЯ ОЛЬШАНКА

Прекрасный ландшафт, быстрая речка Ольшанка, плодородная земля...

Весенней порой воздух, напоенный ароматами огромного цветущего сиренгария, завораживает каждого посетившего один из сохранившихся уголков старого парка, бывшей усадьбы дворян Воейковых в с. Ольшанка Уваровского района Тамбовской области.

В сентябре 1816 года генерал-майор Алексей Васильевич Воейков¹ с молодой супругой Веренькой², выехали из Петербурга на постоянное место жительства в Тамбовскую губернию. Их путь лежал на родину Алексея Васильевича в село Рассказово, затем в купленное на имя Веры Николаевны, имение Ольшанка (Богородицкое) Борисоглебского уезда, где супруги прожили десять счастливых лет с детьми: Марией, Леонидом и Алексеем.

В июле 1825 года семью постигла тяжелая утрата – умирает А.В. Воейков. И все, отпущенные Богом и судьбой годы, Вера Николаевна посвятила воспитанию детей, а позже и внуков – Елены и Василия Поленовых³, благоустройству имения, ведению хозяйства.

С раннего детства Василий и Елена Поленовы часто гостят на Тамбовщине в имении своей бабушки В.Н. Воейковой. Будучи уже профессиональными художниками Поленовы много и плодотворно работают здесь. На несколько лет Ольшанка становится настоящим Поленовским "Барбизоном". На летних пленерах Василием Дмитриевичем было написано множество пейзажей – "Пруд в Ольшанке", "Старый дом в Ольшанке", "Деревенская улица", "Водяная мельница в Ольшанке" и, конечно, бесчисленное количество этюдов для будущих картин. Еленой Дмитриевной были выполнены четыре больших панно для внутреннего убранства усадебного дома в Ольшанке и этюды: "Баня в Ольшанке", "Молотьба", "Пахота", "Церковь в Ольшанке", "Деревянный и каменный храмы в Ольшанке" и др.

Прошло несколько лет после смерти А.В. Воейкова, прежде чем Вера Николаевна смогла приступить к заботам по строительству на территории усадьбы большого храма, которое было завершено в 1860 году. Об этом событии нам сообщает так называемая "храмозданная" таблица, некогда укрепленная на стене храма (краеведческий музей г. Уварово), которая гласит: "Воскресения Христа Спасителя / построены в селе Ольшанка, иждивением помещицы / Веры Николаевны Воейковой, урожденной Львовой, во исполнение обоюдного желания ея и покойного ея мужа / Генераль-Маіора Алексея Васильевича Воейкова, / по плану Академика К.А. Молдавского, / по фасаду Профессора Р.Н. Кузьмина. / Заложень в 1843, окончень в 1860 году".

Живописец и график К.А. Молдавский был не только учителем Марии Алексеевны, но и большим другом семьи Поленовых, поэтому его участие и авторство не могли быть явлением случайным. По академическим традициям середины XIX века при получении звания академика помимо живописных работ, представлялся проект храма, либо монастыря. Вероятно, проект ольшанского храма и был той самой презентационной работой будущего академика.

Посещая в наши дни бывшее имение Воейковых – Ольшанку, вы не найдете здесь ни усадебного дома, ни каких-либо хозяйственных построек. От них остались только заросшие травой фундаменты. Но вопреки всему сохранился храм Воскресения – ныне бесхозное и медленно разрушающееся сооружение. Знаменитый поленовский "Заросший пруд" дополняет картину запустения оплывшими берегами и утопленными в нем сгнившими деревьями, как и обветшалый склеп, и заброшенное кладбище.

Былую красоту усадьбы можно увидеть лишь на работах Поленовых, представленных в музеях страны и частных коллекциях. Один из пейзажей Василия Дмитриевича "Пруд в Ольшанке" завораживает зрителя великолепием открывающейся панорамы с центральной доминантой величественного храма Воскресения Христа Спасителя.

Полного забвения не может быть у этого исторического места хотя бы потому, что на территории бывшей усадьбы сохранился совершенно не типичный для православной архитектуры храм с шестигранным, правильным объемом состоящим из шести внутренних столбов, сомкнутых арками и шестигранником наружных стен, соединенных с внутренней частью системой цилиндрических сводов, который бесспорно принадлежит к уникальным памятникам истории и культуры. С восточной стороны к основному объему пристроена абсида, а с двух противоположных – симметрично шатровые башенки – колокольни.

Уникальная система отопительного устройства, расположенная в подвальном помещении, позволяла поднимать горячий воздух вверх по керамическим трубам – воздуховодам,⁴ встроенным в несущие столбы. Центральный объем храма увенчан двенадцатигранным массивным барабаном, грани которого чередуются окнами с полукруглыми завершениями. Световые окна барабана были собраны из рам-решеток, причем стекла были вставлены разноцветные, что было характерным для многих храмов Тамбовской губернии. При такой расстекловке освещение в храме было феерическим, отчасти напомиавшим витражи средневековой Европы. Боковые колокольни украшены типовыми русскими шатрами, покрытыми луженым железом "в шашку", как и центральная глава, увенчанная главками с вызолоченными крестами.

Обращает внимание своей необычностью интерьер храма. Под ярусом хоров, скрадывающего пространство, открывается высокий, освещенный верхними световыми окнами большого барабана центр храма. Пол выполненный из наборного соснового паркета состоял из двухаршинных квадратных щитов "на четыре карты". Следует заметить, что пол в центральном шестиграннике занижен по отношению к входам и плоскостям плинтусов на 16 сантиметров. Можно предположить, что подобное "занижение" создавало некие акустические эффекты. О техническом состоянии сооружения сейчас можно судить, к сожалению, только визуально. После того, как в 1920-х годах приход был закрыт, и храм стал бесхозным, началось его разрушение временем и людьми. Отдельные попытки исследователей и людей желающих оказать помощь по сохранению этого удивительного памятника зодчества не могли его сколько-нибудь реанимировать.

Учитывая необходимость сохранения историко-архитектурного сооружения, располагающегося на уникальном природном ландшафте, возникает необходимость создания на территории бывшей дворянской усадьбы Воейковых архитектурно-природного заповедника.

¹ Воейков Алексей Васильевич родился в с. Рассказово Тамбовского уезда, Тамбовской губернии 9 декабря 1778 года, состоял на военной службе с 1793 года, ординарец А.В. Суворова, с 1810 по 1811 годы – директор Особенной канцелярии, редактор Комиссии по составлению воинских уставов и уложений, герой войны 1812 года, участвовал в сражении при Бородино, в 1815 году вышел в отставку в чине генерал-майора. Умер 22 июля 1825 года в с. Рассказово, захоронен в некрополе Трегуляевского Предтеченского монастыря.

² Воейкова Вера Николаевна (урожд. Львова), родилась в 1792 году в семье известного Петербургского архитектора, ученого, литератора Н.А. Львова, близкого друга и родственника Г.Р. Державина, после смерти родителей воспитывалась в доме Державиных, автор "Воспоминаний", посвященных А.В. Воейкову. Умерла в 1873 году, захоронена в некрополе Трегуляевского Предтеченского монастыря.

³ Поленов Василий Дмитриевич (1844 – 1927) – сын Дмитрия Васильевича Поленова и Марии Алексеевны (урожд. Воейковой), художник-пейзажист, учился у П.П. Чистякова в Москве и в петербургской Академии Художеств (1863 – 1867), профессор Петербургской Академии Художеств, часто гостил в имении Воейковых с сестрой Е.Д. Поленовой (1850 – 1898) – живописцем и графиком, где ими был создан целый ряд натуральных зарисовок и этюдов, послуживших богатейшим материалом для создания будущих пейзажей. После смерти матери – М.А. Поленовой – Елена Дмитриевна унаследовала имение Воейковых (по ее желанию имение было поделено между братьями). С 1890 года имение приобретено у Поленовых Д.Д. Мосоловым.

⁴ Недавние работы российских ученых позволили придти к интереснейшим открытиям. Н.А. Львов – отец Веры Николаевны – еще задолго до строительства храма в Ольшанке занимался созданием новых строительных материалов, в частности, огнеупорной керамикой. Есть основания считать, что керамиче-

ские трубы отопительной системы храма, изготовлены на основании экспериментальных разработок Львова.

ГАТО. Ф. 161. Д. 6580.

Воейкова В.Н. Воспоминания. СПб., 1903.

Поленов Ф.Д. У подножья радуги. М., 1992.

Бочкарева И. А., Н.А. Львов. Торжок, 2001.

Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001.

Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 98.

Романенко Е.В. Рукописный каталог Л.А. Воейкова. Гравированные портреты Екатерины Великой // Сб. науч. трудов Тамбовского областного краеведческого музея. Тамбов, 2001. С. 64.

Т.А. Кротова

Из истории провинциальной культуры: тамбовские развлечения

Начало XX века – период для России бурный и противоречивый, но, несмотря на социальные потрясения, жизнь продолжалась во всех ее проявлениях, и Тамбовская губерния уже не была таким захолустьем, каким нашел ее Г.Р. Державин. Во все времена люди умели работать, умели и отдыхать – по-разному. Любопытные тому свидетельства сохранились донныне. Издревле на Руси бытовала традиция кулачных боев – своеобразной разрядки и тренировки, демонстрации силы и удали. Однако отношение к этой забаве было далеко не однозначным. Обратимся к архивным документам.

В апреле 1910 года священник села Чурюкова-Заворо-нежского Козловского уезда Николай Румянцев написал губернатору жалобу на то, что в селе сильна "страсть к кулачному бою", который проходил на площади вблизи храма на Рождество, Крещение, Масленицу и Пасху. Священник писал: "Среди боя бойцы настолько озлобляются, что не щадят жизни своих односельчан. Часто бывают случаи убийства, переломы ног, ребер, выколачивание зубов и тому подобные уродства. Во время кулачного боя толпа подымает неистовый шум и свист, из уст их то и дело извергаются бранные слова и публичные выражения... Пятнадцать лет я борюсь с этой народной страстью, но до сих пор народ еще не пришел к убеждению в полном вреде от таких зверских забав". Румянцев обращался к представителям местной власти, но помощи не получил и пришел к выводу, что те сами участвовали в кулачных боях. Губернатор внял мольбе священника и направил Козловскому уездному исправнику грозное предписание принять меры к прекращению описанного безобразия, вплоть до разгона толпы нагайками. Интересна реакция исправника на приказ губернатора: он сообщил, что кулачные бои в селе Чурюкове происходили вследствие того, что второй священник этого села, Яхонтов, принимал участие в этих боях, имея своих наемных бойцов, но потом, поссорившись с Румянцевым, стал бояться доноса, и бои прекратились. А в общем, писал исправник, "население села Чурюкова, несмотря на многочисленность его (12 000 чел.), смирное и хорошее"¹.

Но не одними кулачными боями развлекалось население Тамбовской губернии. В начале XX века приобретает популярность бильярд. Содержатели гостиниц, трактиров, чайных обращаются к губернатору, который имел право дать разрешение на игру. В мае 1906 года персидский подданный Аршик Эйвазов, содержатель Славянской гостиницы в Тамбове, подал такое прошение: "Мною открыта в Тамбове на Большой улице в доме Жаркова "Шашлычная" и при ней погреб с правом продажи исключительно русских виноградных вин..., а так как местное население не привыкло к употреблению вышеозначенных вин, и открытое мною заведение для Тамбова является новым, вследствие чего я несу большие убытки, многие же посетители просят меня о постановке бильярда..." Ходатайство было удовлетворено, так как по сведениям полиции "в содержимом им заведении соблюдается полный порядок"².

Еще больше угодить посетителям постарался усманский мещанин А.П. Гладилин, содержатель гостиницы "Центральной", получивший разрешение "производить игру на бильярде и иметь для развлечения посетителей музыку, певцов, рассказчиков исключительно мужского пола"³. Но такое разрешение давалось не всем. Так, крестьянин П.Г. Зотов, открыв в Моршанске близ вокзала чайную лавку, на свое ходатайство получил отказ, так как моршанский полицеймейстер сообщал губернатору 31 мая 1906 года: "крестьянин Петр Зотов... человек поведения неодобрительного и неоднократно замечался в тайной торговле спиртными напитками. Чайная лавка его находится на окраине города и посещается преимущественно разным сбродом темных личностей сомнительного поведения, почему постановка бильярда в этой чайной лавке, по моему мнению, привлечет еще большее скопление разной публики, усилится тай-

ная продажа вина, разовьются азартные игры и неминуемо будут происходить всевозможные скандалы, для предупреждения которых придется учреждать отдельный полицейский пост и усиливать обходы и объезды..."⁴. Как видим, моршанский полицеймейстер был человеком добросовестным и заботился о поддержании нравственности и борьбе с преступностью во вверенном ему городе.

Но оставим питейные заведения и взглянем, как можно было провести досуг интересно и с пользой. Например, в марте 1907 года тамбовский полицеймейстер сообщал губернатору, что в Тамбове существуют увеселительные заведения: "театр, цирк, коннозаводский сад, в саду этом имеется клуб, в котором

состоят 195 чел., коммерческий клуб, в котором состоят 213 чел."⁵.

Уездные центры не отставали от губернского: в г. Козлове было два летних сада – "Городской" и "Эльдорадо", в котором находился летний театр; зимний театр, зимний и летний общественный клуб, в котором состояли 231 чел. (летом он находился в городском саду, а зимой переходил в дом Иловайского на Московской улице). В Моршанске действовало два театра – один в семейном саду Шлеске, другой – на Шацкой улице, во дворе братьев Кожиных; а в помещениях купеческого собрания и попечительного комитета о народной трезвости, в залах устраивали временные сцены для представлений. Кирсанов также имел летний городской сад и два клуба: дворянско-купеческий и общественный⁶.

Тамбовская публика не чуждалась всевозможных развлечений. Перелистаем страницы тамбовской прессы. Газета "Тамбовский листок объявлений" в 1912 году предлагал массу мероприятий: 15 апреля 1912 года в клубе ремесленников состоится гастроль танцоров-дуэтистов Павловых-Ревальд при участии Васи Удалого. 27 апреля там же в пользу Тамбовского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом состоится танцевальный вечер с летучей почтой и сеансом кинематографа в четырех больших отделениях.

Кино было в Тамбове в большом почете, афиши театра "Модерн" пестрели названиями: "Игра на смерть" (потрясающая драма), "Коварство судьбы", "Лакомый кусочек", "Иго любви", "Под знойным небом Африки" и т.п.

Не только в клубах, собраниях и питейных заведениях развлекались тамбовские жители. Очень популярны были в первые десятилетия XX века массовые гулянья. В конце апреля – начале мая открывался летний сезон в городских садах. Любопытные объявления давали газеты: тот же "Тамбовский листок объявлений" в 1912 году сообщал: "В воскресенье, 29 апреля – открытие летнего сезона сада Купеческого собрания и гастроль артиста Василия Молдаваненко, исполнявшего куплеты, пародии, комические рассказы, в качестве анонса дан образчик куплета:

И вряд ли уж вам воздержаться
придется от смеха, друзья.

Заставлю тамбовцев смеяться, –

придите послушать меня!"⁷

3 мая 1912 года открывался летний сезон в саду Клуба ремесленников с "грандиозным гуляньем", гастролью труппы "Водевиль-мозаика", сеансом кинематографа, танцами и выступлением оркестра Тамбовского вольного пожарного общества.

Мы коснулись лишь небольшого пласта жизни провинциального города дореволюционного периода, жизни многогранной и интересной, достойной исследования. Архивные документы предоставляют в этом плане широчайшие возможности.

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7169.

² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6205. Л. 82.

³ Там же. Л. 153.

⁴ Там же. Л. 23–25.

⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6468. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 31, 36, 40.

⁷ Тамбовский листок объявлений. 1912. 29 апреля.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО

НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Несмотря на большое распространение в Тамбовской губернии старообрядчества, раскольнических сект разного толка (духоборцы, хлысты, молокане и др.) основная масса крестьян оставалась православной. Все они были крещены в храме православным священником, носили на груди кресты, посещали исповедь и причащались. Однако распространенное в настоящее время в обществе мнение о том, что традиционное крестьянство было весьма религиозным, не совсем верно.

Традиционное российское крестьянство жило в своем самобытном мире, нимало не задумываясь о существовании христианско-православного учения. Это не значит, что простой человек был вырван из цивилизации, но он по-своему понимал веру. Ближе и доступней ему были такие синтетические формы культуры как обряды, обычаи, традиции – то, что являлось обыкновенным образцом поведения.

Крестьянские верования представляли собой взаимодействие церковно-православных и магико-бытовых элементов обрядности. К этому феномену наиболее применим термин "народное христианство", который точно и кратко выражает сущность религиозности крестьянского населения. Бытовая религия представляла собой совокупность отдельных элементов язычества и православной обрядности и культа.

Народная масса слабо воспринимала догматическое учение христианства, легче усваивая его внешнюю, обрядовую сторону. Народу было понятно то, что оказалось тождественно древним обычаям и верованиям. При этом "двоеверие" было неосознанным, народная масса не замечала своего отклонения от чистоты православной религии, и даже низшее духовенство смешивало христианские обычаи с языческими. Люди соглашались с церковно-православными установками, если они не противоречили их традициям и обычаям поведения, а остальные правила пытались приспособить к своим представлениям.

Вера как форма проявления духовной жизни, особое состояние сознания, жизненная позиция, не носила у крестьян рационального характера. Она не основывалась на познании и знании, на объяснении того, во что верим и почему верим. Не всякий человек и в настоящее время способен аргументировано доказать свою веру или безверие. Религия у крестьян основывалась на вере как условии нравственности, бессознательной уверенности и безотчетном, необъяснимом доверии. "Так поступали мои предки, в это верили, значит, и я должен поддерживать их традиции", – рассуждали крестьяне.

В догматических тонкостях православной религии народ, мягко скажем, не разбирался. Представления общей массы крестьян об основных положениях христианского вероучения были "во многом очень смутны, сбивчивы и недостаточно полны, в иных, наконец, случаях прямо неправильны и соединены с опасными суевериями". Об этом свидетельствуют отчеты и рапорты благочинных священников, протоколы заседаний Тамбовской Духовной Консистории¹.

Более того, малая часть населения знала наизусть основные православные молитвы и заповеди Христовы. Был непонятен их церковнославянский язык с трудно запоминаемыми словами и выражениями. Поэтому смысл молитв искажался и довольно часто совсем терялся. Представление о том, что в прошлом все население знало "Отче наш", является заблуждением. Этого не было ни в XIX веке, ни, тем более, в начале XX. Приведем конкретный пример одного из лучших приходов Тамбовской епархии по количеству людей, знающих молитву. В 1857 году в приходе Покровской церкви села Митрополье Тамбовского уезда насчитывалось 1104 человека мужского пола и 1198 – женского. По докладу благочинного священника из всех указанных прихожан молитву Господню ("Отче наш") знала половина. Молитву "Символ веры" знала третья часть мужчин и четвертая часть женщин. Все десять заповедей Христовых не знал никто. Некоторые заповеди знали несколько человек².

В начале XX века обозначились перемены в отношении населения к вопросам религиозной веры. Происходил заметный рост религиозной индифферентности как крестьянского, так и городского населения. Массовыми становились факты уклонения от исповеди, а в кругах интеллигенции шли поиски новой веры. Все больше уменьшалось нравственное влияние православного духовенства на верующих мирян; чаще проявлялось отрицание веры вообще.

Православная религия – это не просто вера в сверхъестественное или система обрядов. Ее главная функция (как и в других религиях) состоит в том, чтобы помочь человеку преодолевать исторически изменчивые, относительные стороны его бытия и поднимать человека до чего-то абсолютного, неиз-

менного, вечного. Любая религия вводит человека в трансцендентное. Крестьянское религиозное сознание такими категориями ни до, ни после XIX века не измерялось.

На рубеже двух прошлых столетий крестьянин продолжал жить в мифологической картине мира. Хотя она претерпела значительные изменения со времен абсолютного язычества. В центре миропонимания находилась природа, и крестьянство во многом оставалось ее частью, безусловно веря, при этом, в христианского Бога Иисуса.

В течение длительного времени, вплоть до конца XIX века, христианство оставалось доминантой отечественной культуры. Однако оно не определяло стиль, манеры, образ мыслей и чувств российского крестьянства. Таким образом, на рубеже веков крестьянская религиозность представляла собой специфическую субкультуру, объективно вобравшую в себя вековое народное понимание веры.

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. 1929.

² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1351. Л. 7 (об).

С. Ф. Махрачев

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОГО МУЗЕЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Церковные учреждения во все времена хранили в своих библиотеках, архивах, оружейных арсеналах, древлехранилищах, ризницах предметы, проникнутые памятью о социально-экономической и политической истории края. Постепенно общество приходило к осознанию необходимости бережного отношения к историко-культурному наследию страны. Первые распоряжения о сохранении древностей были отданы Петром I¹. Так, в Тамбовскую губернию в начале XVIII века поступил императорский указ, предписывающий собирать в монастырях и церквях раритеты и курьезы и направлять их для апробации в Синод. В 1853 году в Тамбовскую епархию было направлено распоряжение Синода за ¹ 60280, обязывающее к составлению описей "на старинные предметы и хранение их в особых местах"².

Большое значение в деле сохранения памятников церковной старины имели церковно-археологические музеи, возникновение которых было связано с конкретно-исторической ситуацией в стране. Реформы Александра II и либерализация общественной жизни в стране оказали влияние и на деятельность церкви, что проявилось в открытии церковно-исторических и церковно-археологических комитетов. В свою очередь, при комитетах учреждались музеи.

Первый церковно-исторический музей был открыт в 1872 году, при Киевской духовной академии. В дальнейшем количество музеев данного профиля быстро увеличивалось. Ко времени проведения Предварительного съезда деятелей музеев в 1912 году сеть церковно-археологических музеев составляла более 40 единиц.

В Тамбовской губернии деятельность церковно-археологического музея связана с историей Тамбовского церковно-исторического комитета, созданного в 1918 году при Тамбовской епархии. Хотя импульс к созданию комитета был получен "сверху" – со стороны Синода и епархиальных властей – местная общественность приняла активное участие в деятельности комитета. Председателем Совета комитета был назначен ректор семинарии И.А. Панормов, секретарем – преподаватель семинарии И.И. Зелинский. Активное участие в работе комитета епископ Тамбовский и Шацкий Кирилл, секретарь консистории А.Е. Андриевский, протоиереи П. Виндяевский и П. Громковский, священник Н. Миловский, учитель К. Рязский. Общество ставило перед собой широкие задачи: собирание памятников церковной старины, описание древностей, историко-статистическое описание епархии, составление отзывов по вопросам реставрации, а также создание библиотек и музеев³.

Уже в 1912 году при обществе создается Церковно-археологический музей. Для него было отведено просторное помещение в фундаментальной библиотеке Духовной семинарии.

На средства епархии было приобретено оборудование для хранения и экспонирования материалов. Заведующим музеем 17 октября 1912 года был назначен преподаватель семинарии священник Н.Н. Миловский.

Хотя материальное положение Церковно-археологического музея было более благоприятным в материальном отношении, нежели большинства других музеев, в том числе общественных, все же ощу-

шался недостаток материальных средств, поскольку Комитет был общественной организацией и содержался на частные пожертвования и членские взносы. Так, в 1915 году членских взносов поступило 83 р., а расходов было 67 р., при этом статьи расходов на музей не было предусмотрено. Поэтому материальное положение музея как, впрочем, и абсолютного большинства других общественных музеев, было весьма неопределенным, что создавало сложности в работе, в частности, при приобретении материалов. Пополнение музея происходило благодаря частным пожертвованиям. С целью активизации пополнения фондов, Комитет уже в 1912 году известил на страницах "Тамбовских епархиальных вестей" общественность о создании нового музея и обратился к тамбовскому духовенству и широкой общественности с просьбой передавать в музей церковные древности, находящиеся в монастырях и приходских церквях и частном владении.

Первые предметы поступили уже в 1912 году Первоначально их было немного. Так, в 1913 году поступило 12 предметов, в том числе Евангелие 1647 года, месяцеслов рукописный 1784 года, грамота Палладия (епископа рязанского), портрет Иоанна Затворника⁴. В последующие годы пополнение музея происходило более активно, что свидетельствует о возрастающей популярности музея. В 1915 году в музей поступили несколько старинных икон, коллекция крестов. Например, воспитанник семинарии Г. Николаев пожертвовал образ Зосимы и Савватия XVIII века и другие церковные древности. При музее постепенно формировалась библиотека из старинных церковных книг. В нее в 1915 году протоиерей Яхонтов пожертвовал 37 книг, в том числе географический словарь Нового Завета 1790 года.

Таким образом, к 1917 году музей находился еще в стадии формирования. Был накоплен первый опыт работы, собраны интересные материалы. Музей со временем вполне бы мог стать центром сохранения, изучения и популяризации памятников тамбовской церковной старины. Однако деятельность музея после 1917 года была прекращена. В новых исторических условиях она была не только затруднительной с точки зрения материальной, но и невозможной с точки зрения идеологии, насаждавшейся новым государственным строем воинствующего атеизма.

¹ Каспаринская С.А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII – XX вв.) // Музей и власть. М., 1991. Ч. 1. С. 12.

² Известия ТУАК. Тамбов, 1888. ¹ 19. С. 3.

³ Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. ¹ 5. С. 178.

⁴ Тамбовские епархиальные ведомости. 1912. ¹ 3. С. 43.

Т.В. Махрачева

Юрьев День: обряды, поверья, терминология (ПО ОПУБЛИКОВАННЫМ И ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Народный календарь крестьянина Тамбовской губернии еще в конце XIX века представлял собой сложное явление, включающее сравнительно объемный багаж знаний об окружающей природе региона, приобретенный, как правило, эмпирическим путем; систему обрядов и запретов, тесно связанную со всеми сферами материальной и духовной культуры края, среди которых приоритетными оставались аграрная и скотоводческая; осмысление закономерностей, цикличности в человеческой жизни; произведения устного народного творчества. Имеющий в своей основе канонический церковный месяцеслов, народный календарь, по сути, представлял собой отдельную, самостоятельную систему летоисчисления, сориентированную на прагматическое восприятие мира. Ее локальные черты, представляющие несомненный интерес уже сами по себе, приобретают особую значимость в данном случае, поскольку специфическое осмысление (а иногда и переосмысление) мифологического и ритуального народным сознанием, столь ярко отразившееся в народных поверьях, календарной терминологии, делает материал "свободным" от сугубо канонического, христианского содержания, открывая тем самым новый пласт информации, нуждающийся в изучении¹. Обратимся в качестве примера лишь к одному из праздников осенне-весеннего цикла – Юрьеву дню.

В общерусской народной традиции Святой Георгий воспринимается преимущественно как покровитель скота (в частности лошадей, овец – 6 мая) и волков (ср.: *Что у волка в зубах, то Егорий дал* – 9

декабря). На территории же Тамбовской области происходит еще и функциональная конкретизация дня (6 мая), который наряду с номинациями *Ягория* (Кирсановский р-н), *Вешний Егорий* (Знаменский р-н), *Ягорий Победоносец* (Мордовский р-н), *Великий угодник* (Никифоровский р-н), *Злой Егорий* (Петровский р-н) получает название – *Лошадиный праздник* (Мордовский, Рассказовский р-ны). Осмысление Юрьева дня именно в этом ракурсе формирует и соответствующее отношение к нему, и комплекс обрядов и ритуалов, в центр которых попадают лошади, например: кропление лошадей, купание оных в святом источнике, запрет работать на них в этот день, особый вид кормления – хлебцы в форме подков и т.п.: "А, это Ягория... Это лошади должны отдыхать в этот праздник, на них не работают... Купать, у нас родник святой есть, в этот родник купать лошадей водили (А священник кропил их святой водой? – прим. автора). Ну это и называется кропить, прыскать на лошадей святой водой" (дер. Трофимовка, Кирсановский р-н, Логинова Зинаида Степановна, 1927 г. р., местная, запись автора 2001 г.); *Ягорий. На эт праздник на лошадях не надо работать, а то Бог накажет*. (с. Ольшанка, Гавриловский р-н, Антонина Васильевна Шатунова, 1932 г. р., местная, запись автора 2001 г.).

Жители области хорошо знакомы и с "общерусским представлением Егория в образе святорусского былинного богатыря – на белом коне, повелителем волчьих стай"². Однако общеизвестный образ существенно переосмысливается на Тамбовщине, приобретая черты местного колорита, и предстает перед нами как бы в двух ипостасях: герой и покровитель. Образное мифопоэтическое описание героя, зафиксированное в Мордовской районе, повествует о поединке Ягория со змеем и избавлении от него (т.е. змея) города: "Победил змею. Ягорий Победоносец. Когда зашла змея в город и людей ела, и вот бились, бились, как зайдет, сколько поест. Ну че ж, давайте по очереди вынимать, кому достанется, к ней туды подходить, к морю. И все, а то че ж она постольку-то съедает. Ну и одна молилась, ей... молилась и молилась, и просила. И Ягорий Победоносец явился. Когда она пришла тудя, он был там на коне. И на коне. И она только выходит, и он ей как, ... и он ей прямо такой пикой в пасть-то, и приколел. И все" (с. Отшивка, Мордовский р-н, Тарабрина Мария Николаевна, 1922 г. р., местная, запись автора 2002 г.).

Образ же Егория-покровителя детерминирует обряды и запреты, существующие как на 6 мая (частично упоминание о них содержится в начале статьи), так и на 9 декабря. Наряду с общеизвестным поверьем запрещающим притрагиваться в этот день (9 декабря) к шерсти из-за страха потерять овец, лошадей (ср.: *волк будет овец таскать; волк кобылу съест*), распространено мнение, что прикосновение к шерсти может также повлиять и на масть ягнят: "Ягорий, нет, он зимой бывает Ягорий, с пряжей нельзя, с шерстью возиться, а то овцы будут катиться, ягнята пестрые будут. Да волк их утащат..." (с. Решетовка, Петровский р-н, Яковлева Мария Михайловна, 1933 г. р., местная, запись автора 2002 г.).

Любопытно, что подобное убеждение (о смене масти животного) не обнаружено нами в соседних, южнорусских, регионах. Более того, традиционно приоритет в "выборе" масти крестьяне оставляли за домовым³. Некоторое сходство домового с Егорием-покровителем обнаруживается и в обрядах закармливания и окликания. Тамбовские губернские ведомости сообщают, что на Тамбовщине прошлого века "ребятишки обходили дома с приговорами, а затем шли в поле и оставляли сделанные из прутиков маленькие кресты:

Мы вокруг поля ходили,	
Мы Егорья окликали,	<i>Ты спаси нашу скотину</i>
Мы Макарья величали,	В поле и за полем,
Егорий ты наш храбрый,	В лесу и за лесом,
Макарий преподобный!	Под светлым месяцем,
	Под красным солнышком,

От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого"⁴.

Обряд же закармливания осуществлялся старшим в семье (6 мая) и заключался в приношении пищи в лес (вар.: *оставляли у столба, который находился на перекрестке*): *Раньше весенний, бывало, мне мама скажа, обедает, вот у нас дедушка берет, кусок пирога отрезает, три яйца или там можа два, и несите в лес на пенечек, Ягорию. Да, весной. Положим там Ягорию* (с. Тынково, Петровский р-н, Протаева Анна Ивановна, 1929 г. р., местная, запись автора 2002

г.); *Ягория*. *Ягория это у столба хлеб какой-то ложут. Да вот я не знаю, слышала тоже...* (с. Глазово (Ольгино), Ржаксинский р-н, Кашинова Матрена Васильевна, 1910 г. р., местная, запись автора 2001 г.).

Будучи весенне-осенним праздником, Юрьев день включает сельскохозяйственные приметы и обряды. Знаменательно, что современный взгляд крестьянина на аграрный цикл оказывается зачастую прямо противоположным тем взглядам, которые были зафиксированы в конце XIX – начале XX веков. Обратимся к примеру. В наши дни жители области предпочитают воздерживаться от посадки овощных и зерновых культур 6 мая, мотивируя свое бездействие строгостью праздника и неблагоприятным временем для посадки: *Ничего не... Да ж картошку не сажали. Она небольшой праздник, но очень строгий* (с. Никольское, Знаменский р-н, Булгакова Прасковья Ефремовна, 1919 г. р., местная, запись автора 2001 г.); *Это на Ягория. Бывает шаштого мая. Ягорий. Да, нельзя. Я никогда не сажала картошки. Даже сажать картошки надо после Ягория, вообще все сажать надо после Ягория. А до Ягория – ниче не надо, одна батва будет* (с. Новоситовка, Петровский р-н, Борисова Мария Даниловна, 1935 г. р., местная, запись автора 2002 г.). Интересно отметить, что неблагоприятным этот день считается и для продолжения рода: *Говорили, что на Ягория нельзя, ну как это по-научному... никакое зачатие не должно быть. На Ягория. Дети будут уродливые, и ни в коем случае нельзя яички ложить под наседку. И вот обычай такой. Яички из гнезда, сколько бы их ни было, из их яичницу делают, их в этот же день уничтожают. Это я точно знаю. Бабуля учила* (с. Стеньшино, Петровский р-н, Еремеева Раиса Яковлевна, 1932 г. р., местная, запись автора 2002 г.). Напротив, дореволюционные издания, например, Тамбовские губернские ведомости, свидетельствуют не только о возможности, но даже необходимости начинать сев и посадку с Егория: Сей просо с Егорья, кончай Николой. С Георгия начинают садить свеклу, сеять морковь и рассаду⁵.

С.М. Толстая, указывая на недостаточное внимание к теме народного календаря, особенно в лингвистическом аспекте, наряду с другими причинами называет устоявшийся факт "зависимости народного календаря от календаря христианского и соответственно вторичности народной (диалектной) терминологии праздников и календарных дат по отношению к каноническим названиям христианского обихода... Между тем не только структура и "семантика" традиционного народного календаря, но и в значительной степени его терминология достаточно далеко отстоят от соответствующих канонических форм, демонстрируя синкретизм христианских и языческих элементов, народного (местного) и книжного слоев" (Толстая С.М. Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю (А-Г) // Славянское и балканское языкознание в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 178).

¹ Русские. М.: Наука, 1997. С. 633.

² Домовой уже в конце XIX века на территории области был известен крестьянам не только как покровитель дома, оракул семьи, но и как хранитель скота: *"Домовой – невидимое, добродушное существо. Если онъ благоволитъ къ живущимъ въ домъ, вся скотина ходитъ здоровехонька, лошадушки полнехоньки; онъ ихъ и холитъ, и моетъ, и гривы имъ заплетаетъ. Всъ домочадцы не нарадуются на заботы дъдушки; за то, если ужъ и разсердится домовой, что бываетъ рѣдко, настаютъ пасмурные, тяжелые дни: лошади*

начинаютъ худѣть и падать..." (В. Бондаренко. Поверья крестьян Тамбовской губернии (Очерк) // Живая старина. 1890. Вып. 1.

С. 117).

Знаменательно, что и в наши дни почитание домового еще столь велико, что за ним оставляют все его права, в том числе и "выбирать" масть скота: *"В любом доме есть хозяин. Если он тебя полюбит, он... лаской к тебе будет. А уж если уж не полюбит, то будет худо наносить. Когда уходишь в другой дом, во-первых, просишь Бога, чтоб дал тебе в другом доме жилье, и зовешь хозяина: "Хозяин, пойдём с нами, выбирай себе любое место и живи"... А как же. Если он полюбит вот коня тваво, лошадку, он будет на нее волоса расчесывать, косички будет плестъ. Вот. А уж если не полюбит, она вот не хуже этого вот, когда вся будет взлохмачена, взъерошена, он будет ие донимать, изживать, потому что она не по душе, все вот... У нас черные*

так и не приживались, даже кошка вот пестрая" (с. Покрово-Васильево, Пичаевский р-н, Шулагина Александра Никифоровна, 1927 г. р., местная, запись 2001 г.).

⁴ Тамбовские губернские ведомости, 1860. ¹ 25.

⁵ См. подробнее: Тамбовские губернские ведомости. 1864. ¹ 15–17; 1882. ¹ 1, 14, 29, 38; 1883. ¹ 23, 25, 26, 28, 37, 40, 54, 55, 67, 102; 1886. ¹ 2, 127.

Р. В. Мечковская

**ПО СЛЕДАМ ОДНОГО АВТОГРАФА.
КНИГА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
Г.Р. ДЕРЖАВИНА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
ТАМБОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Тамбовский областной краеведческий музей в своей книжной коллекции имеет том прижизненного издания сочинений Г.Р. Державина (Ч. 1), изданный в Санкт-Петербурге, в типографии Шнора в 1808 году с дарственной надписью Гавриила Романовича: "Любезной моей Вере Николаевне Львовой марта 16 дня 1809 году. Санкт-Петербург". В книге поступлений основного фонда значится он за ¹ 775 (Запись 1947 года). Это том в коричневом кожаном переплете с золотым обрезаем и таким же тиснением в виде завитка по краям крышек. По корешку в рамках, образуемых тисненными орнаментальными полосками, вытеснена надпись: "Сочинение Державина. Часть 1" и украшения в виде двух скрещенных рогов изобилия и стилизованной розетки в шестигранной оправе. На титуле имеется чернильный уже почти стершийся штамп: "Тамбовский городской краеведческий музей" и круглая печать: Тамбовский городской отдел народного образования. Надпись в центре неразборчива.

Издать собрание собственных сочинений – мечта каждого писателя. Желал этого и Гавриил Романович. Еще в 1790 г. первая жена поэта Катерина Яковлевна переписала в толстую, переплетенную в красный сафьян тетрадь лучшие его стихотворения¹. А.Н. Оленин – друг Державина, директор Публичной библиотеки, затем президент Академии художеств, "моей поэзии изограф", как именовал его Державин, нарисовал и раскрасил виньетки в соответствии с существовавшей тогда модой на оформление книг². Нарядная рукописная книга была поднесена в ноябре 1795 года Екатерине II. Императрица вскоре скончалась, а рукопись возвратили автору. По выходе в отставку Гавриил Романович задумал напечатать роскошное, богато иллюстрированное издание с воспроизведением всех оленинских акварельных виньет. Гравюры для печати было решено заказать у считавшихся лучшими английских граверов. Оригиналы рисунков были посланы в Англию, но англичане запросили слишком дорого и замысел расстроился. Акварели возвратились назад, но исчезла одна к оде "На взятие Измаила", изображавшая русского Гренадера, идущего против Везувия. Державин писал: "Английские художники, как думают из зависти к славе российской или чрезвычайно живо изображенному рисунку, выдрали тот лист"³.

Шло время. Количество сочинений росло. К ним иллюстрации сделал художник И.А. Иванов, архитектор по образованию, перспективный живописец, рисовальщик и гравер, работавший в ведомстве Н.А. Львова по производству чертежей⁴. Первоначально планировалось издать шеститомник. Но к печати были подготовлены четыре тома, которые быстро брался напечатать типограф И. Шнор, правда, с виньетками только в начале и в конце книги. Пятый том был издан в год смерти Державина в 1816 году. В предуведомлении к читателю в начале первого тома автор обещал следующее собрание сочинений "украсить картинками художников и снабдить примечаниями как на те места, как иносказательны, так и на собственные имена, кои мне одному известны..., а равно и на те случаи для которых, что писано, и что к кому относится"⁵. Печатать начали в августе 1807 года, в феврале 1808 года все четыре тома поступили в продажу.

В 1809 – 1810 годах Гавриил Романович составил объяснения к своим стихотворениям. Их он диктовал старшей племяннице Елизавете Львовой. В 1834 году муж Елизаветы Николаевны Федор Петрович Львов издал "Объяснения на сочинения Державина", им самим диктованные. Первая часть прижизненного собрания сочинений – это стихи, расположенные в том порядке, которые в 1795 году были преподнесены "монархине" Екатерине II. Их поэт позже предваряет цитатой из древнеримского историка и оратора Тацита, показывающей как глубоко ценил и уважал Екатерину Державин, несмотря на сложные их отношения. "О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещается, когда соединены были вещи несовместимые, владычество и свобода, когда при самом легком правлении общественная безопасность состояла не из одной надежды и желания, но из достоверного получе-

ния прочным образом желаемого⁶: часть первая была посвящена Александру I; третья именовалась "Анакреотические песни"; четвертая – включала драматические произведения. Первая часть этого четырехтомника с дарственной надписью великого русского поэта Г.Р. Державина его племяннице Вере Николаевне Львовой находится в фондах Тамбовского областного краеведческого музея.

Вера Николаевна Львова (1792 – 1873) – средняя из трех дочерей друга и свояка по второй жене Г.Р. Державина Николая Александровича Львова (1751 – 1803) и его жены Марии Алексеевны (1755 – 1807), урожденной Дьяковой, родной сестры Дарьи Алексеевны Державиной⁷. После смерти родителей девочки жили в бездетной семье Державиных. В 1809 году – времени дарственной надписи – старшая Елизавета была уже замужем, а Вера, которой шел 15 год и младшая Прасковья жили в хлебосольном доме дяди и тети. Степан Петрович Жихарев, внук тамбовского друга поэта в своих "Записках современника" вспоминает об обеде у Державиных в 1806 году: "Державин за столом был неразговорчив, напротив племянницы его говорили беспрестанно, мило, умно"⁸. Вера Николаевна рассказала гостю историю собачки Бибишки, которую Гавриил Романович носил за пазухой. Это был подарок бедной старушки: ей поэт помогал материально. Я.К. Грот в своем труде "Жизнь Державина" говорит, что сестры Львовы вышивали поэту кушаки, которыми он любил подпоясывать халат. В конце февраля 1812 года Вера была помолвлена с флигель-адъютантом Алексеем Васильевичем Воейковым (1777 – 1825), а в 1813 году состоялась их свадьба⁹.

Широко известна романтическая история любви родителей Веры: Николая Александровича Львова – человека необычайно талантливого, сумевшего реализовать себя как художник, поэт, механик, химик и Марии Алексеевны Дьяковой. Тайно обвенчавшиеся, они три года жили врозь, пока Николай Александрович не стал крепко на ноги, и родители Марии Алексеевны дали согласие на брак¹⁰. Не менее трогательна история любви Веры Николаевны и Алексея Васильевича Воейковых. Будучи в пожилом возрасте "восторженной и оживленной старушкой", как именует ее И.П. Хрущев (1826 – 1904) – исследователь древнерусской литературы, стоявший у истоков создания Тамбовской публичной библиотеки, и муж внучки Воейковых Веры Дмитриевны Поленовой. Вера Николаевна ему поведала историю своего замужества. В ее воспоминаниях и воспоминаниях ее дочери Марии Александровны Поленовой оживали образы дяденьки Гаврилы Романовича и тетеньки Державиной¹¹.

В 1811 году Г.Р. Державин основал литературное общество "Беседы любителей русского слова". Собиралось оно в Санкт-Петербургском доме Державина на Фонтанке, где зимой он жил в двухсветном зале с хорами, которые опирались на колонны, облицованные искусственным мрамором. На хорах часто собирались домашние – молодые племянницы, их кузины, подруги, чтобы видеть и слышать знаменитых литераторов. Сюда в один из вечеров приехал флигель-адъютант Воейков. Чувствуя себя довольно стесненно среди ученых немолодых мужей, он увидел сидящую наверху девушку "в белом платье с красной шалью на плечах" и влюбился с первого взгляда. Кто она он не знал. Уходя, спросил у швейцара о барышнях. Швейцар назвал много фамилий и Алексей Васильевич не узнал имени своей любви. Он всю ночь не спал, а утром пошел к хозяину дома, где жил и который знал семью Державиных. Тот сказал, что у Державиных живут две племянницы – старшая Вера и младшая Прасковья, и еще Вера Лазарева, дочь умершего друга хозяина дома. Вскоре Воейков увидел Веру Львову на балу и весь вечер не отходил от нее. После бала, садясь в карету, Дарья Алексеевна спросила племянницу: "Что-то Воейков очень любезничает с тобой. Пойдешь за него? – Может быть, – ответила Вера. Если его зовут Алексеем или Александром. Это мои любимые имена". Алексей Васильевич посватался. "Он всякий день у нас обедал", – вспоминала Вера Николаевна. В феврале 1812 года состоялась их помолвка.

Однако Державины не сразу дали согласие на брак своей племянницы с Воейковым. Дело в том, что тот служил в ведомстве Сперанского, который в это время был в опале, и Державины опасались, что не расположенность царя распространится на А.В. Воейкова, который был правителем канцелярии у военного министра Барклая де Толли. В 1812 году он получил командование бригадой в дивизии Неверовского и должен был выехать в армию. Гавриил Романович просил узнать у друзей, близких к царю, его отношение к жениху Веры Николаевны. Тот отвечал, что в семейные дела он не входит и то, что Воейков получил генеральскую должность, это ему отличие, а не опала. Алексей Васильевич – личность незаурядная – герой войны 1812 года, боевой генерал суворовской школы, участник перехода через Альпы, сражения при Аустерлице, был награжден двумя золотыми шпагами за храбрость¹². Знакомый с письмами Воейковых И.П. Хрущев пишет: "Из переписки Воейкова видно, что молодая Львова стояла на высоте идеала, как в любви к жениху, так и в патрио-

тизме во имя которого переносила разлуку со своим возлюбленным, не только до свадьбы, но и после венца, до самого взятия Парижа, куда с войсками последовал ее новобрачный"¹³. После взятия Парижа, ранения А.В. Воейков выходит в отставку и вместе с женой уезжает в тамбовское имение Ольшанка Верхне-Шибряйской волости Борисоглебского уезда.

Вера Николаевна после смерти Дарьи Алексеевны Державиной в 1842 году вместе с мужем младшей сестры Прасковьи К.М. Бороздиным способствовала образованию в державинском имении Званка, завещанном в общественную пользу, приюта и монастыря для бедных девиц. Вскоре после того как дела в Званке наладились, она в Хутыньском монастыре под Новгородом обновила памятник Г.Р. Державину, прибавив надпись о тетке своей Дарье Алексеевне, пережившей мужа на 26 лет. На Тамбовщине в память о своем муже боевом генерале Воейкове в имении Ольшанка она заложила Храм Воскресения Христа Спасителя и освятила его в 1860 году – в год 35-летия со дня его смерти.

Вот то, что рассказал о себе скромный том прижизненного издания сочинений Г.Р. Державина с его дарственной надписью, "ибо книги не мертвые вещи, они заключают в себе источник жизни, столь же деятельной, как и душа, от которой они происходят"¹⁴ – как очень точно подметил английский поэт Мильтон.

¹ Глинка Н.И. Державин в Петербурге. Л., 1985. С. 181.

² Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 302.

³ Державин Г.Р. Объяснения на сочинения Державина, или самим диктованные родной его племяннице Елизавете Николаевне Львовой в 1809 году, изданные Ф.П. Львовым: В 4 ч. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1834. Ч. I. С. 53.

⁴ Собко Н.П. Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней. СПб., 1895. Т. II. Вып. 1. С. 357.

⁵ Сочинения Державина Г.Р. СПб., Тип. Шнора, 1808. Ч. I. С. IV.

⁶ Там же. Авантикул.

⁷ Русские портреты XVIII и XX столетий. Изд. Великого Князя Николая Михайловича. СПб., 1909. Т. III. Вып. 1. Лист 19; Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001. С. 36.

⁸ Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 47–48.

⁹ Хрущев И.П. Милена. вторая жена Державина // Русский вестник. 1903. ¹ 2. С. 559.

¹⁰ Глинка И.И. Указ соч. С. 41–42.

¹¹ Хрущев И.П. Указ. соч. С. 550–580; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVII. СПб., 1903. С. 752.

¹² Поленово. Государственный музей усадьба В.Д. Поленова / Авт.-сост. В.Д. Поленов. М., 1982. С. 5.

¹³ Хрущев И.П. Указ. соч. С. 559.

¹⁴ Слово о книге. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты / Сост. Е.С. Лихтейнштейн. М., 1972. С. 32.

О.П. Пенькова

ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИИ ДВОРЯНСТВА (по материалам Государственного архива Тамбовской области)

История русского дворянства является одной из тем, неизменно вызывающей интерес исследователей. Первенствующее сословие России веками задавало тон в экономической и политической жизни общества, будучи наиболее состоятельной и образованной его частью.

Источники по истории дворянства находятся как в центральных, так и в провинциальных архивах. Государственный архив Тамбовской области обладает комплексом ценнейших материалов по истории высшего сословия. Это фонды губернского дворянского собрания и губернского предводителя дворянства (Ф. 161), канцелярии губернатора (Ф. 4), губернского правления (Ф. 2), Тамбовского отделения Государственного дворянского банка

(Ф. 168) и ряд других. Громадная заслуга в том, что архив обладает такими репрезентативными источниками, принадлежит второму председателю Тамбовской губернской ученой архивной комиссии Алексею Николаевичу Норцову и губернскому предводителю дворянства князю Николаю Николаевичу Чолокаеву.

А.Н. Норцов – автор капитального труда "Материалы по истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства", вышедшей в свет в 1904 году. Работа содержит массу интересных фактических данных, в том числе сведения обо всех губернских и уездных предводителях дворянства, со времени введения этого института до современных автору. Автор оценивал роль, значение и будущее русского дворянства с четких консервативно-охранительных позиций: "Благородство происхождения имеет такое большое значение ... что даже все другие преимущества, как, например, богатство, власть, почет и т.д. являет в сравнении с ним лишь относительное значение". "Дворянские имения, переходящие в руки купцов, рубящих аллеи на дрова, превращающих дома в конторы, в которых вместо звуков Моцарта раздается звук косточек на счетах, представляет ... тревожный симптом, потому что дворянское землевладение имеет для страны не только экономическое, но и политическое значение". Но он протестовал против утверждения, что у дворянства нет будущего и призывал "раз навсегда замкнувшись", стоять на страже традиций и быть верной опорой монархии"¹.

Будучи председателем Тамбовской ученой архивной комиссии А.Н. Норцов в дореволюционный период скомплектовал богатый архив по истории дворянства. В первые послереволюционные годы, продолжая оставаться одним из руководителей архивного дела в губернии, он сделал все, чтобы спасти документы упраздненных государственных и сословных дворянских учреждений и частных архивов. До конца жизни, отстраненный от любимого детища – ученой архивной комиссии, А.Н. Норцов занимался историей тамбовского дворянства.

В значительной мере репрезентативности и сохранности документы по истории тамбовского дворянства обязаны грамотному делопроизводству в губернском дворянском собрании, в чем была заслуга последнего губернского предводителя дворянства князя Николая Николаевича Чолокаева, занимавшего этот пост в течение более чем четверти века (1891 – 1917).

Выпускник юридического факультета Московского университета, он был среди мировых посредников так называемого первого призыва, которых современники оценивали как "честных, бескорыстных и искренне преданных делу великой реформы"². Н.Н. Чолокаев стремился принимать компромиссные по отношению крестьян решения, что вызывало жалобы и недовольство со стороны помещиков. Его обвиняли в "мягкости характера" и в неприятии "твердых и решительных мер"³.

Он был одним из первых и активных деятелей Моршанского уездного и Тамбовского губернского земств. Он пришел к руководству дворянской организацией в губернии, имея за плечами богатый жизненный опыт практика-хозяина и 25-летний стаж земской деятельности. Земские органы были всеобщими. Конечно, в них всегда преобладало дворянство, которое стояло у руководства, но они решали экономические вопросы всех сословий. Может быть, поэтому князь Н.Н. Чолокаев говорил о нуждах не только одного дворянского землевладения, но и о проблемах сельского хозяйства губернии в целом⁴. Может быть, поэтому он не разделял, подобно более молодым дворянским деятелям, мысль о дворянской сословной исключительности. Разумеется, интересы своего класса ему были понятнее, ближе и дороже, но он видел взаимосвязь этих интересов с теми же крестьянскими нуждами. Он участвовал в работе Особого совещания по делам дворянского сословия, в съездах Объединенных дворянских обществ, пытаясь решить проблемы своего класса. Тем не менее, он продолжал оставаться земским деятелем и, наверное, им и был прежде всего, хотя дворянские дела вел четко и пунктуально. Ревизионная комиссия дворянского собрания, проверяя исполнительную смету 1903 – 1905 годов, нашла, что "все счетоводство в блестящем порядке, свободно поддается ревизии и все расходы произведены правильно". Было также отмечено, что "такому блестящему положению дела ... дворяне обязаны трудам и энергии князя Н.Н. Чолокаева"⁵. Но в условиях прогрессирующего уменьшения дворянского землевладения, уменьшения сословных дворянских капиталов, он немногого мог сделать. Государство, провозглашая опору на дворянское сословие, законодательно ограничивало и контролировало проявление дворянской самостоятельности, ставя на пути их деятельности многочисленные бюрократические приемы.

¹ Материалы по истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1904. Т. I. Вып. XLVII. С. 16–17.

² Терпигорев С.Н. Оскудение [Очерки]. М., 1958. Т. I. С. 276.

³ ГАТО. Ф.1 61. Оп. 1. Д. 7270. Л. 132.

⁴ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. ХLI. Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 26–28, 30–31.

⁵ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9090. Л. 10 об., 47.

И. Г. Пирожкова

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЖИВАНИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Комфортность проживания, "благоустройство" в провинциальном городе в начале рассматриваемого периода определялось в первую очередь наличием мостовых, тротуаров, в последней трети XIX века – водопровода, освещения, возможности свободного пешеходного сообщения в пределах города. В конце XIX – начале XX веков к этому прибавилось осознание необходимости в какой-либо форме официально контролировать санитарную ситуацию в городе, состояние всех типов построек – городских, казенных, общественных, частных.

В первой половине XIX века законодатели совершенно не уделяли внимания благоустройству провинциальных городов и не вырабатывали никаких санитарных норм относительно их планировки и обывательского жилья. Только с появлением общественных организаций – союзов архитекторов – в последней трети XIX века проблемы комфортности проживания в городах, приемлемости норм строительства жилых помещений стали обсуждаться на страницах специальных печатных изданий. Эти проблемы в публицистике были обозначены термином "жилищный вопрос".

Первые мероприятия властей по благоустройству губернского города Тамбова вылились в деятельность Комитета с одноименным названием в 1867 – 1870 годах. Самой значительной была реорганизация Базарной площади, которая представляла собой "болото с разбросанными лавочками и ларями". На ней были пересчитаны все строения; участки, на которых были обнаружены неплановые постройки, отчуждались; строения в принудительном порядке переносились или уничтожались. В каменных торговых рядах были ликвидированы тайные скотобойни. Улучшение внешнего вида и санитарного состояния площади повлекло более активное участие торговцев в торгах на аренду участков на ней, что позволило "увеличить доход города на 4000 р."¹.

В конце 1870-х годов впервые перед губернским правлением стал вопрос о создании комплексной системы городского санитарного надзора. Правление изучило опыт других городов и выяснило, что такая система существует только в Киевской и Новгородской губерниях². По инициативе губернатора были образованы три комиссии по врачебно-полицейскому осмотру города. В 1897 – 1898 годах губернатор, отмечая "крайне неудовлетворительное состояние города в санитарном отношении", предлагал городскому голове поручить инспектору Врачебного отделения тамбовского губернского правления "доставить ему (губернатору) его соображения". Имелось ввиду отсутствие организованной свалки нечистот и навоза (она располагалась недалеко от центра города – по берегам р. Студенец), "из чего происходила порча воздуха и особенно воды р. Цны", отсутствие почти во всех дворах правильно устроенных отхожих мест, выгребных и помойных ям с непроницаемыми стоками, отсутствие "определенных мест для мытья горожанами белья". Губернский врачебный инспектор докладывал, что грязь "производится в городских канавах, расположенных в самых людных и наилучших частях города, например в канале вблизи Дворянского собрания". Результаты осмотра уездных городов также были неутешительны: в 1899 году из 43 частных дворов в центре Усмани не было ни одного "содержащегося удовлетворительно, особенно в многоквартирных домах", в Шацке выяснилось, что "городские площади не очищаются несколько лет", в центре Моршанска обнаружены "склады кож, тряпья, костей"³.

Однако действенных механизмов решения городских санитарных проблем не находилось. Несмотря на то, что довольно регулярно в конце XIX – начале XX веков губернское правление возобновляло обсуждение вопроса о недопустимом санитарном состоянии Тамбова даже в его центре, оно продолжало оставаться "ниже всякой критики". Хотя практически все уездные и губернская думы регулярно вырабатывали постановления для городских жителей, расписывающие их обязанности по поддержанию санитарного порядка, осматривались сомнительные объекты, источники не содержат ни одного упоминания о штрафах или других взысканиях с виновных лиц. Большая часть этих постановлений не выполня-

лась. В городе на 48 000 жителей существовало три санитарных врача, центральная законодательная база не давала никаких основ для местной законодательной деятельности на этот счет, не возлагала никакой ответственности за внутригородское устройство на местные управления, а сами провинциальные жители, по-видимому, не осознавали непреодолимой потребности в переменах. Показателем являлись по-прежнему "плохо содержащиеся места на Базарной площади", где даже коммерческие соображения не заставляли купцов приводить в порядок свои лавки.

В 1911 году МВД, пытаясь закрыть пробел в строительном законодательстве, выработало некоторые проекты и правила, которые были призваны улучшить санитарный надзор за состоянием городов. Подробнейшие "Требования, которым должны удовлетворять вновь строящиеся здания и помещения для жилья людей в городах..." были переданы в губернии для обсуждения. Правила, опиравшиеся "на лучший европейский опыт" были совершенно нереальны для практического использования и по рассмотрению отвергнуты Тамбовской городской думой со следующей формулировкой: "Это высокий научный идеал, к которому желательно стремиться, но, принимая во внимание финансовое положение Тамбова, являющийся невозможным"⁴. Хотя документ не был реализован, однако сам факт его появления в провинции свидетельствует о начале складывания новых представлений о необходимом уровне санитарии в жилище человека.

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 88. Д. 147, 148; Оп. 89. Д. 44; Оп. 90. Д. 87; Ф. 16. Оп. 45. Д. 35; Оп. 91. Д. 39; О мерах, принятых по г. Тамбову ввиду городского благоустройства и о работах, произведенных в прошлом 1869 году. Тамбов, 1870; Постановления комитета по устройству г. Тамбова. Тамбов, 1869.

² Там же. Ф. 17. Оп. 28. Д. 26.

³ Там же. Оп. 7. Д. 170; Ф. 30. Оп. 74. Д. 14; Оп. 83. Д. 134.

⁴ Там же. Оп. 42. Д. 25.

Л.И. Пучнина

"А Я ПИИТ – И НЕ УМРУ..."

Юбилейные чтения располагают к размышлению над уже известным, к привлечению архивных источников и поискам новых ракурсов в биографии поэта. В ГАТО в фондах "Канцелярии Тамбовского губернатора" и "Тамбовского губернского правления" сохранились документы державинского времени, свидетельствующие о разнообразии забот и обязанностей правителя наместничества Г.Р. Державина; рапорты, ревизии, ведомости на жалование служащим... Принятому им наместничеству всего шесть лет, он уже четвертый губернатор. С его именем связаны дела тамбовской канцелярии на протяжении трех лет. Последняя четверть XVIII века для тамбовской окраины стала временем активного административного становления. В его руках побывали такие дела, как распоряжение "По определению Тамбовского наместничества об открытии присутственных мест" (1779)¹ с приложением штата о числе канцелярских служащих², "Ведомости от городничих на сколько город разделен частей" (1786)³; "Об отводе разным лицам усадебных мест в Тамбове" (1780 – 1781)⁴, "Наряд тамбовского наместнического правления о сохранении тишины и спокойствия горожан" (1787)⁵, которые напоминают нам о том, с какой энергией губернатор добивался составления плана г. Тамбова, топографической карты наместничества. Отсутствие текстов указов, замысловатые почерки переписчиков, помарки, корявости гусиного пера недаром заставляют губернатора уже в августе 1786 года обращаться к Н.Н. Трубецкому и Н.И. Новикову с просьбой о печатном станке: "И весьма много таких бумаг, которые бы чрез типографию скорее течение свое имели... я бы решился единственно для канцелярского производства завезть здесь типографию..."⁶.

Неприятнь между правителем наместничества и поручиком правителя начиналась, может быть, с дела о постройке провиантского магазина, когда появились "Рапорты оберпровиантмейстера Палицына и тамбовского коменданта М. Булдакова правителю наместничества Г.Р. Державину о переносе на новое место сгоревшего провиантского магазина" (1786)⁷. Судя по рапортам, место, определенное М.И. Ушаковым за рекой Студенцом, Державин отводит для больницы под строение рабочего и смиренного домов, а провиантскому магазину назначает квартал 73"А" на берегу р. Цны.

Сколько внимания, сил и терпения требовали от губернатора проезды важных персон! Московский тракт, судя по делу о "поддержании лежащей в Тамбовском наместничестве из губернского города Тамбова через Козлов столбовой дороги" из Астрахани в Москву (1780 – 1782), "по которой московская почта тракт свой имеет, начиная от тамбовской границы", всегда требовал немалых усилий⁸. Нужно было поправить дороги, обновить верстовые столбы, привести в порядок многочисленные мосты. "Сведения о больших дорогах по Тамбовской округе" губернатор имел и в канцелярии и черпал из опыта собственных разъездов по губернии: Спасск, Шацк, Моршанск, Козлов, Кирсанов. Обширные пространства губернии и множество дел были как раз по его беспокойному, любознательному характеру. В державинском архивном фонде в Санкт-Петербурге хранится свидетель его поездок – "Журнал, веденный им во время объезда присутственных мест в Тамбовской губернии" 1787 года. Приходилось заниматься и увещеваниями помещиков, когда они искали льготы в ответ на распоряжения губернатора о поставке лошадей, как это было с помещиками И.И. Арбеновым и заседателем верхнего земского суда С.М. Мордвиновым в связи с указом "О путешествии Екатерины II в Таврию" и делом "О подготовке губернии к путешествию императрицы"⁹. В сохранившихся архивных делах перечень живых забот: "Книга записная на жалованье приказных служителей" (1786 – 1787)¹⁰, "Наряд из Тамбовского наместнического правления" (1787)¹¹, "Журнал ревизий правительственных учреждений г. Липецка" (1788)¹². А вот в "особо ценных" – "Автографы Г.Р. Державина"¹³.

С грустью перелистываешь пожелтевшие плотные листы с водяными знаками – декабря 1788 года – последнее, что губернатор Гаврила Романович держал в руках – "Списки по выборам в дворянское депутатское собрание"¹⁴ и рапорт от 18 декабря 1788 года полковника П.М. Лотарева "об избрании и приведении к присяге в Липецке поручика Петра Чиринова"¹⁵... Окладные книги и расчетные описи о доходах и расходах; уездные суды, казначейства, предводители дворянства, служба городничих, выборы... все требовало внимания и контроля – времени на "вирши" не оставалось.

На годы губернаторства Державина в Тамбове пришлось, исполняемые согласно указам императрицы во многих губерниях России, "дела полезные": открытие театра, народного училища, дни тезоименитства. Но благодаря одаренной личности губернатора, слава о торжествах, сопровождавших сии губернские праздники именно в Тамбове, докатилась до российской столицы и они были отмечены самой императрицей, оставшись в памяти потомков.

Погруженный в служебные заботы, Державин в первые два года успевает написать только тексты театрализованных представлений для городских торжеств и шуточные стихи – это период своеобразного поэтического покоя. В 1787 году в "Зеркале света"¹ 53 Туманского вновь делается попытка напечатать стихотворное переложение Державиным псалма 81-го "Властителям и судиям". Чуть позже, проходя через отвержение тамбовского общества и позор суда душа его постигает смысл стиха 5, 81 пс. *"не познаша, ниже уразум...ша, во тм... ход...т"*; он уразумевает всем сердцем зыбкость счастья на земном пути и беспомощность личности, чтобы в конце жизни девизом своего родового герба подтвердить мудрые слова "Силою вышнюю держусь".

Оказавшись в отчаянном положении, в душевном напряжении развернувшейся в конце 1788 года борьбы, Державин создал два значительных в его поэтическом наследии по красоте звучания и мудрости мысли стихотворения "Осень во время осады Очакова" и "На смерть графини Румянцевой" – зрелые плоды его тамбовской жизни.

"Осень во время осады Очакова" напоминает о том, что непоседливый губернатор колесил по губернии "по множеству текущих дел" в любую погоду. Он видел ее и в непролазную грязь чернозема и в роскошном убранстве погожей осени; знал ее в метелях и морозах лютой зимы, когда *"от хладного ее дыханья / Природы взор оцепенел"*¹⁶. Среди бытовых зарисовок стихотворения и барская охота, и крестьянский зимний отдых, и хоро- воды...

Русская литература обогатилась дотоле неведомыми образами, звучными эпитетами и метафорами. Тамбовские впечатления были толчком к постижению природы Центральной России. Уже два века не меркнут краски державинских стихов, вспыхнувшие на заре русской поэзии: *"Уже румяна Осень носит / Снопы златые на гумно, / И роскошь винограду просит / Рукою жадной на вино. // Уже стада толпятся птичьи, / Ковыль сребрится по степям; / Шумящи красно-желты листья / Расстлались всюду по тропам"*¹⁷.

Строки, написанные в Тамбове в разгар этих событий, обращенные к президенту двух Академий Е.Р. Дашковой: *"Я злобу твердостью сотру // Врагов моих червь кости сгложет, / А я Пиит – и не умру"*¹⁸, высекли формулу его бессмертия в русской литературе. Из этого зерна будет произрастать само-

стоянье поэтов XIX века. Однако Его бессмертие осенило в веках и все происходившее вокруг Пиита, распри и несогласия, все, что успел он претворить в Тамбове в бытовой и служебной "суете", казалось оторвавшей его от поэзии.

Забылся бы и однодворец тамбовский П.М. Захарьин, если бы Державин не правил его речь, и забылся бы провиантский комиссионер Г.А. Потемкина воронежский купец И. Гарденин, если бы ревностный в службе Державин, помня о сидевшей под Очаковом армии не провел ревизию казенной палаты вопреки ее председателю – вице-губернатору М.И. Ушакову, чтобы найти скрываемые ими деньги, положенные армии!

Тем более забылось бы бесстыдное плутовство купца М. Бородина, выходявшего сухим из всех афер, да еще с помощью вице-губернатора Ушакова избранного почетным гражданином, несмотря на кандидатуру Толмачева, предложенную Державиным. "Река времен" унесла бы и это, если бы не те 17 тыс. р., которые из-за плутовства М. Бородина Сенат присудил внести в государственную казну Державину!

Забылась бы и майская ссора 1788 года двух тамбовских дам – жены председателя гражданской палаты А.Е. Чичериной и Е.Я. Державиной, и донос императрице на Державина, сочиненный Чичеринными, М.И. Ушаковым, А. Аничковым и секретарем генерал-губернатора. Все эти события и люди обретают важность и самоценность только в свете биографии Державина, его переживаний и стихов им написанных... Тамбовские события до конца жизни поэта будут находить отклик в его поэзии, записках, письмах ("На счастье", "Изображение Фелицы" и т.д.).

Мощное испытание, которому был подвергнут в Петразаводске и Тамбове темперамент поэта, заставило его потрясенную душу размышлять о жизни в ее философских категориях. Его душа – все всем простившая – раскрывается в письме, написанном в 1808 году на склоне жизни: "Касательно Михаила Ивановича Ушакова, у нас с ним были неприятности, но не лично, а по делам. Я исполнял свой долг по моим чувствованиям, а он по своим или в чью-либо благодарность; но когда все это прошло так, как сон, то несправедлив бы он был, ежели бы по сие время злобился за сновидение. Мы здесь все на театре, и когда с него сойдем, тогда всем объяснится, кто как свои роли играл; может быть и я делал более погрешностей, нежели он: то и будет сие зависеть от решения всеобщего Судьи, от которого никто ничего скрыть не может"¹⁹.

Несмотря на многочисленные трения, в тамбовских преданиях пиетет к Державину всегда сохранялся. Биограф Державина Я.К. Грот, будучи в Тамбове, подмечает, что место кабинета губернатора Державина отмечено установлением открытой беседки в саду, когда казенный деревянный дом был разобран при строительстве Александринского института благородных девиц.

Громкая известность поэта, видное общественное положение победили мелкую служебную возню Гудовича, Ушакова, родовитых помещиков Чичеринных, Загряжского, Сатина.

Губернатор в небольшом городе на 10 тысяч жителей – постоянно на виду, особенно, когда дом его открыт для местного общества. Он ходил живой стремительной походкой в неподалеку расположенные присутственные места, гулял по набережной, любовался восходами и закатами. Перед его домом накрывались столы для мещан в торжественные дни тезоименитства императрицы. К нему привыкли мещане, купцы, дворяне, к его речи скороговоркой, к его горячности.

Век просвещения и классицизма настолько верно и прочно заложил основы культурной жизни провинциального Тамбова: планировка города, архитектура, театр, главное народное училище, типография, газета, – что эта незыблемость подкупает и более двух столетий спустя на фоне лесных далей, спокойной Цны, высокого ее берега, на котором стоял дом губернатора. Все кажется неизменным со времен Державина, вечным, несмотря на асфальт, фонари электрические и снующие машины – устои не меняются.

Вблизи места, где был дом Державина, институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. На улице его имени, в красивом сквере, гордый "кумир" Гавриила Романовича напоминает – "А я Пиит – и не умру".

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20.

² ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12.

³ ГАТО. Ф. 2. Оп. 8. Д. 7.

⁴ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 114.

- ⁵ ГАТО. Ф. 2. Оп. 9. Д. 54.
⁶ Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1987. С. 409.
⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4.
⁸ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 95. Л. 46.
⁹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 8. Д. 26.
¹⁰ ГАТО. Ф. 2. Оп. 8. Д. 4.
¹¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 10. Д. 5.
¹² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2.
¹³ ГАТО. Ф. 2. Оп. 9. Д. 9.
¹⁴ ГАТО. Ф. 2. Оп. 10. Д. 2.
¹⁵ Там же. Л. 33.
¹⁶ Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 122.
¹⁷ Там же. С.121.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997. С.3 66.

Е.В. Романенко

ГРАВИРОВАННЫЕ ПОРТРЕТЫ Г.Р. ДЕРЖАВИНА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Л.А. ВОЕЙКОВА В СОБРАНИИ ТАМБОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 2004 году исполняется 185 лет со дня рождения Леонида Алексеевича Воейкова (1818 – 1886), который в историю Тамбовского края вошел не только своими исследованиями по статистике и трудами, посвященными истории России, но и как известный собиратель русской печатной гравюры XVIII – XIX веков. Коллекция, состоявшая из собрания портретов "замечательных русских и частью иностранных деятелей"¹ была передана в Художественный отдел Особой Нарышкинской библиотеки вдовой Воейкова Софией Владимировной (урожд. Вышеславцевой). Таким образом, Художественный отдел библиотеки явился обладателем одного из богатейших собраний печатной гравюры в России.

С собранием Леонида Алексеевича были хорошо знакомы такие известные коллекционеры как Д.А. Ровинский, академик К.С. Веселовский, Ю.Б. Иверсен. Экземпляры коллекции Воейкова практически полностью нашли отражение на страницах фундаментального исследования Ровинского в четырех томах "Подробного словаря русских гравированных портретов" (далее, как ПСРГП), некоторые из которых были снабжены ссылкой составителя "у Воейкова".

Наряду с обширной, насчитывающей около полутора тысяч листов портретной галереей императоров и императриц, прославленных государственных деятелей, ПСРГП знакомит исследователя и с представителями русской культуры. Портреты Гавриила Романовича Державина (1743 – 1816) достаточно полно представлены и в Словаре Ровинского и в собрании Воейкова – внучатого племянника Державина.

Ввиду особой популярности и привлекательности личности Державина и как государственного деятеля и как поэта, многие художники и граверы, талантливые и признанные или только начавшие постигать законы мастерства, стремились запечатлеть образ Гавриила Романовича. В своем замечательном стихотворении "Тончию" к живописцу Н. Тончи Державин, будто соревнуясь с художником, дает свое не менее блистательное описание созданного образа:

"...ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим...."²

В Словаре даны описания 23 портретам Державина, которые размещены в шести разделах, перечисленных в хронологическом порядке и снабженных порядковыми номерами. В подзаголовок вынесен тип оригинала, с которого гравировались указанные ниже портреты. Открывает портретную галерею с изображением Державина оригинал, созданный Боровиковским и награвированный Гейзером (с непокрытой головой в парике), исполненный до 1793 года³, который для нас представляет интерес в связи с периодом его пребывания на посту Тамбовского губернатора. Державин изображен в гражданском мундире правителя наместничества "с двумя петлицами на отложном воротнике и с четырьмя петлицами на пуговицах по отложному борту, с орденом Св. Владимира на шее, полученным в 1787 году."⁴

К сожалению, мы не располагаем указанным в Словаре портретом, но под ¹ 11 присутствует портрет выполненный с миниатюры Боровиковского⁵, который чрезвычайно напоминает портрет первого типа (ТОКМ). Награвированный на стали А. Тейхелем, в увеличенном размере против оригинала, в первых отпечатках не снабжен подписью авторов (прежде подписи), портрет был приложен к пятому тому Сочинений роскошного академического издания. Следом за портретом утонченного Боровиковского, близкого друга семьи Державиных и Львовых, в 1801 году живописец Тончи, пишет знаменитый портрет Гавриила Романовича, который стал доступен для обозрения широкой публике только благодаря искусству печатного гравирования, допускающего многократное тиражирование. Авторская копия Ф. Йордана, которому в заказ 1861 году от 2-го Отделения Академии Наук поступил заказ на создание точной копии с портрета Тончи, была исполнена виртуозным резцом талантливого гравера (собр. ТОКМ). Под изображением гриф "Гавріиль Державин" (приложен к первому тому академического издания Сочинений Державина). Относительно постановки композиции и фона, выбранных художником – с громоздящимися скалами за спиной портретируемого – и его одежды – меховой шапки и просторной шубы – племянница Державина – Вера Николаевна Воейкова (урожд. Львова, мать Л.А. Воейкова), дала Я.К. Гроту пояснения: "...в то время он ходил уже в парике, но не любил его и не хотел явиться в нем на картине. Парик одевал он только для выездов или когда ожидал гостей; обыкновенно же носил дома колпак"⁶. Надо отметить, что все попытки граверов, пытавшихся создать портрет, "похожий" на созданный Тончи на живописном полотне, не имели успеха, и по этой причине Академия поручила выполнить гравюру с оригинала Федору Йордану, известному своим мастерством и точностью исполнения.

Многочисленные реплики граверов с оригинала Тончи не всегда были удачными и творчески оправданными. Так, портрет, награвированный А. Флоровым⁷ (собр. ТОКМ), отличают жесткая манера техники исполнения резцом, а намеченные Тончи выразительные интонации в решении образа полностью утрачены измененной композицией (погрудное изображение) и нарушением заданных оригиналом пропорций. Творческие поиски граверов "средней руки" своего собственного видения и прочтения живописного оригинала приводили иногда к более чем неудачным результатам. Но движимые желанием создать свой неповторимый образец, прикоснуться к постижению личности, характера Державина, они продолжали изыскивать новые формы в трактовке образа. Следует отметить, что после созданного Н. Тончи портрета, одним из ярких и запоминающихся является портрет созданный в 1812 году художником Боровиковским и гравированный 1 ноября 1831 года профессором Императорской Академии Художеств

Н. Уткиным (первые экземпляры снабжены подписями и надписями). Гавриил Романович представлен в сенаторском мундире, в Александровской ленте и наградах⁸. Портрет заключен в овал, гравирован резцом, поясной ³/₄ влево (собр. ТОКМ). Приметы возраста и времени, обозначенные художником и гравером, не ускользают от зрителя, равно как и характеристика нашего героя, достигнувшего почета и чинов, познавшего любовь и череду утрат близких и друзей, милость высоких особ и непостоянство покровителей, злословие недругов.

Совершенно иной образ, отличный от созданного В. Боровиковским и Н. Уткиным, запечатлел художник (?). Василевский в 1815 году и награвировал И. Пожалостин⁹ в 1880 (собр. ТОКМ), который был приложен к VIII тому академического издания Державина. Портретируемый представлен в халате с воротником, отороченным мехом, и колпаке. В воспоминаниях В.Н. Панаева существует упоминание об этом портрете, который экспонировался на выставке 1815 года в залах Академии Художеств: "...Державин изображен в малиновом бархатном тулупе, опушенном соболями, в палевой фуфайке, белый платок на шее и белый колпак на голове"¹⁰. Эти воспоминания интересны, прежде всего, уточнением цветовой гаммы, избранной художником. Но, пожалуй, не менее привлекательна была и характеристика внутреннего состояния души Гавриила Романовича, которого лишь один год отделял от вечности. За внешними возрастными особенностями портретируемого присутствует быстротечная и неумолимая

"река времен". В портрете, созданным Василевским, как действующее лицо выступает время, отпущенное человеку Богом, к которому обращается поэт в оде "Бог":

"... Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей..."¹¹.

Поясное изображение фигуры и глухой фон, практически фронтальный разворот лица обращенного к зрителю, создают запоминающийся по силе звучания образ Г.Р. Державина. В 1880 году, когда гравером И. Пожалостинным был создан портрет, было не случайным, а вполне справедливым и оправданным, размещение в нижнем поле листа портрета – заметки Якова Карловича Грота – биографа поэта, автора фундаментального труда о его жизни и творчестве (поясной, $\frac{3}{4}$ влево, в технике "сухой иглы").

Тамбовскому музею представилась счастливая возможность обладать самыми значительными образцами из созданных выдающимися мастерами печатной гравюры, что позволяет проследить не только виртуозное владение техникой резца и пунктира граверов, но и проникнуться пониманием сокровенного желания художника – запечатлеть историю жизни, отраженную в портретах Г.Р. Державина.

¹ Отчет Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1894 – 95 год. Тамбов, 1895. С. 46–47.

² Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. С. 228.

³ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. I. ¹ 1. С. 662.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 664.

⁶ Там же. С. 665.

⁷ Там же. ¹ 15. С. 666.

⁸ Там же. ¹ 19. С. 667.

⁹ Там же. ¹ 21. С. 668.

¹⁰ Там же. С. 668.

¹¹ Державин Г.Р. Указ. соч., С. 52.

А.А. Соболева

Г.Р. ДЕРЖАВИН И Е.И. ФОМИН:

ТВОРЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

*С именем Державина соединено было все в
моем понятии, все, что составляет достоинство
человека: вера в Бога, честь, правда, любовь к
ближнему, преданность Государю и отечеству;
высокий талант и труд бескорыстный.*

С.П. Жихарев

Тамбовский край богат именами выдающихся деятелей культуры, литературы и искусства, целой плеядой интеллектуалов, просвещенных людей России. Благотворное влияние на развитие культуры и всей духовной жизни Тамбовщины оказал Г.Р. Державин, назначенный Указом императрицы Екатери-

ны II от 17 января 1786 года правителем Тамбовского наместничества. Библиографический мониторинг, анализ научной литературы показал, что время пребывания Г.Р. Державина в Тамбове (1786 – 1788) отражено в статьях Е. Салиса¹, ряде отдельных изданий².

О великом русском поэте, общественном деятеле Г.Р. Державине написано много, но главным памятником ему стали монументальное собрание сочинений в девяти томах³, "Записки" Г.Р. Державина⁴, биографии написанные Я.К. Гротом⁵, В.Ф. Ходосевичем⁶ на основании богатейших архивных изысканий и мемуарно-документальных источников.

Поэта-мыслителя Г.Р. Державина (1743 – 1816), человека с "могучим талантом", по словам В.Г. Белинского, волновали вопросы социально-экономической жизни, развития образования, издательской деятельности, театрально-музыкальной культуры в Тамбовском наместничестве.

При деятельном участии Г.Р. Державина в 1786 году был организован театр у его друзей Ниловых. В доме Г.Р. Державина, помимо балов, вечеров и концертов устраивались любительские спектакли, ставились переводные французские комедии и оперы, трагедии А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина. В день восшествия на престол Императрицы Екатерины II 28 июня 1786 года состоялось празднество, придуманное поэтом сочинение с музыкой итальянского композитора Паизиелло. На торжественном событии присутствовал И.В. Гудович. Рязанский и Тамбовский наместник был в восторге от оказанной ему чести⁷.

Первое театральное представление по пьесе драматурга М. Веревкина "Так и должно" состоялось в доме Державина, так как профессиональный городской театр еще не был отстроен итальянским зодчим Лукини (открыт в 1787 году). Спектаклю предшествовал написанный Г.Р. Державиным "Пролог в одном действии с музыкою на открытие в Тамбове театра и народного училища" в день тезоименитства императрицы Екатерины II 24 ноября 1786 года. Позднее об этом событии сообщали Санкт-Петербургские ведомости от 29 января 1787 года. Музыку к торжественному "Прологу..." Г.Р. Державина написали Л.С. Журавченко⁸ – учитель пения (в прошлом певец придворной капеллы), приглашенный Державиным для обучения детей пению, и Х.Ф. Раупах.

По предположению известного музыковеда Б. Доброхотова в Державинском театре на 1787 – 1788 годы прихлала музыкально-театральная деятельность выдающегося композитора XVIII века Е.И. Фомина (1761 – 1810), написавшего оперу "Ямщики на подставе – игрище невзначай" к ожидаемому приезду Екатерины II в Тамбов в ходе ее знаменательного путешествия по югу России. Визит императрицы, к сожалению, не состоялся⁹.

Следует отметить, что первой серьезной документально-обоснованной работой о Е.И. Фомине является очерк А.В. Финагина. Автору удалось восстановить основные факты биографии композитора, составить список его сочинений¹⁰. Творчество композитора Фомина широко освещено в исторических очерках З.З. Дурова¹¹, А.Н. Глумова¹², в общих работах по истории русской музыки А.С. Рабиновича¹³, Т.Н. Ливановой¹⁴, Ю.В. Келдыша¹⁵.

Вопрос о деятельности Е.И. Фомина и о постановке его оперы "Ямщики на подставе" в Державинском театре до сих пор до конца не изучен. Существует мнение, что Фомин находился на службе у Державина. Эта версия была выдвинута З.З. Дуровым¹⁶. Его предположение нашло поддержку у иссле-

дователей Б.В. Доброхотова¹⁷ и Ю.В. Келдыша: "Есть основание предполагать, что Фомин был связан с Державиным и находился у него на службе"¹⁸. Т.Н. Ливанова придерживается другой точки зрения. "Не правильнее ли предположить, что Фомин работал не у Г.Р. Державина, а у Н.А. Львова, так как они писали песни, оперы вместе"¹⁹. Предположение о службе Фомина в канцелярии Г.Р. Державина в период его пребывания в Тамбове, по словам И.М. Ветлицыной, документально не подтверждено²⁰.

Долгое время либретто оперы "Ямщики на подставе" ошибочно приписывалось А.И. Финагиным²¹ композитору Е.И. Фомину. Только в 1933 году рукописная копия либретто обнаружена исследователем З. Артамоновой в архиве Г.Р. Державина, хранящемся в Государственной публичной библиотеке, ныне РНБ. Так был установлен автор либретто Н.А. Львов — поэт, музыкант, родственник и друг Г.Р. Державина²². В упомянутом либретто оперы "Ямщики на подставе" указана дата первого петербургского представления — 8 ноября 1787 года²³. Либретто напечатано отдельной брошюрой в Тамбове в 1788 году²⁴. Этот факт был отражен в исторических очерках А.Н. Глумова²⁵. Поскольку публикация либретто связана обычно с постановкой оперы, "естественно предположить, что "Ямщики" были тогда же поставлены в Тамбовском городском театре. Но если Фомин и находился в Тамбове в связи с постановкой своей оперы, то пребывание его там могло быть лишь кратковременным, так как в этом же 1788 году он пишет в Петербурге новую оперу "Американцы" на либретто И.А. Крылова"²⁶.

Исследователем С. Щегловой²⁷ установлено и доказано, что в 90-х годах оперы Е.И. Фомина "Ямщики на подставе" и "Вечеринки, или Гадай, гадай, девица, отгадывай, красная" шли на сцене крепостного театра графа А.Р. Воронцова в имении Большие Алабухи Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (ныне Грибановский район Воронежской области).

¹ Салиас Е. Поэт Державин – правитель С. 66–120; Окт. (1785 – 1788) // Рус. вест. 1876. Т. 125 (сент.). С. 567–624.

² Авдошенко Е.В. Г.Р. Державин в Тамбове. Тамбов, 1962. 48 с.; Г.Р. Державин – правитель Тамбовского наместничества: Прил. 1. Тамбов, 1871. С. 97–108; Дальний Б., Богданов Д. Державин в Тамбове (1786 – 1788). Тамбов, 1947. 46 с.; Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / Сост. Ю.А. Мизис; Авт. примеч.: Ю.А. Мизис, Г.И. Ходякова. Тамбов, 1993. 447 с.

³ Державин Г.Р. Сочинения: В 9 т. (Примеч. Я. Грота). СПб., 1867. Т. 4. 866 с.

⁴ Гавриил Романович Державин: Записки 1743 – 1812: Полный текст. М., 2000. С. 96–123.

⁵ Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 267–316.

⁶ Ходасевич В.Ф. Державин / Вступ. ст., сост. прил. и коммент. А.Л. Зорина. М., 1988. 321 с.: ил.

⁷ Гавриил Романович Державин: Записки... С. 303.

⁸ Державин Г.Р. Сочинения. Т. 4. С. 21.

⁹ Келдыш Ю.В. К истории оперы "Ямщики на подставе" // Очерки и исследования по истории русской музыки. М., 1978. С. 139.

¹⁰ Финагин А.В. Евстигней Фомин: Жизнь и творчество // Музыка и музыкальный быт старой России: Материалы исслед. Л., 1927. Т. 1. С. 85.

¹¹ Дуров З.З. Очерки истории музыки в России // Доммер фон Аррея. Руководство к изучению истории музыки. СПб., 1884. С. 585.

¹² Глумов А.Н. Музыка в русском драматическом театре: Ист. очерки. М., 1955. 480 с.

¹³ Рабинович А.С. Е.И. Фомин // Русская опера до Глинки. М., 1948. С. 85–105.

¹⁴ Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом: Исслед. и материалы: В 2 т. М., 1953. Т. 2. 476 с.: ноты.

¹⁵ Келдыш Ю.В. Е.И. Фомин // История русской музыки: В 10 т. М., 1985. Т. 3. Ч. 2. С. 84–110; Его же. К истории оперы "Ямщики на подставе" // Очерки и исследования по истории русской музыки. М., 1978. С. 130–140; Его же. Русская музыка XVIII в. М., 1965. С. 325–364.

- ¹⁶ Дуров З.З. Указ. соч. С. 585.
¹⁷ Доброхотов Б. Евстигней Фомин: 2-е изд. М., 1968. С. 69.
¹⁸ Келдыш Ю.В. Русская музыка XVIII в. С. 326.
¹⁹ Ливанова Т.Н. Указ. соч. С. 162.
²⁰ Ветлицына И.М. Е.И. Фомина // Музыкальная энциклопедия. М., 1981. Т. 5. С. 863.
²¹ Финагин А.В. Указ. Соч. С. 84.
²² Артамонова З. Неизданные стихи Н.А. Львова // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 286; Келдыш Ю.В. Е.И. Фомин. С. 87.
²³ Келдыш Ю.В. Русская музыка XVIII в. С. 335.
²⁴ Артамонова З. Указ. соч. С. 286.
²⁵ Глумов А.Н. Указ. соч. С. 443.
²⁶ Келдыш Ю.В. Е.И. Фомин. С. 88.
²⁷ Щеглова С. Воронцовский крепостной театр (1792 – 1802) // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1. С. 328.

Е. В. Хмель

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЦИОНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Отмена крепостного права была одним из исторических событий, которое не только изменило сложившиеся социально-экономические отношения и привело к формированию новых, но и способствовало изменению традиционных представлений о них.

В силу ярко выраженного консерватизма у помещиков Черноземья долгое время сохранялось убеждение в оправданности и целесообразности внеэкономических методов ведения хозяйства. Изживание этих взглядов было заметно лишь в довольно узком кругу крупнопоместных хозяев, с успехом занимающихся разнообразной предпринимательской деятельностью¹. Поэтому проявление интереса к оценке процесса формирования представлений о рациональном хозяйстве является обоснованным.

Землевладельцы в конце XIX – начале XX веков имели отрывочное, размытое представление о рациональном хозяйстве. Автор одного из агрономических пособий во введении отмечал следующее: "Но что такое это "рациональное хозяйство"? В этом большинство положительно не дает себе ясного отчета. Спросите, у десяти различных лиц, что они понимают под словом "рациональное хозяйство" и вы получите десять различных ответов"². В целом, землевладельцы выделяли основные элементы рационального природопользования (посев корнеплодов, использование искусственных удобрений, применение многопольных севооборотов, стойловое содержание скота с ежедневной уборкой навоза). Автор "Очерка развития деятельности Козловского сельскохозяйственного общества" отмечал, что "все сделанные с этой целью нововведения и мероприятия, произведенные весьма значительные затраты на покупку инвентаря, найм администрации и постоянных рабочих, на введение в хозяйство новых полевых культур и улучшение систем полеводства – повели лишь к весьма неприятному сознанию собственного бессилия в борьбе с требованиями того времени [80-е годы XIX века] и все еще сильными традициями минувшей эпохи"³.

Попытки использования перечисленных мер вследствие отсутствия научной основы их применения и агрономических знаний не всегда заканчивались удачно и приносили доход владельцу.

С целью поддержки и развития сельского хозяйства в губерниях была учреждена специальная должность. В представлении инспектора сельского хозяйства, который обследовал хозяйство наследников Шереметевой в Козловском уезде, имение, "вполне *рационально*" функционирующее, обладало следующими чертами: "Вобщем все описываемое хозяйство, направленное и ведомое Шестаковым [управ-

ляющим] представляет из себя прочное, правильно организованное предприятие, все отдельные части которого поставлены вполне хорошо и приносят доход хозяйству"⁴.

Тема рационального природопользования затрагивалась в публикациях рассматриваемого периода. А.С. Ермолов, автор агрономического пособия "Организация полевого хозяйства", ставит целью "вывести русское землевладение из этого хаоса на свет божий, показать ему, что применимо и где выгодно из разнообразных как жизнь и природа форм сельскохозяйственного дела, помочь одним словом, найти для каждой местности, смотря по ее физическим и экономическим условиям, формулу рационального хозяйства"⁵. В обзоре о положении крупных хозяйств П. Логашев раскрывал "идею разумного хозяйства" как "преследующую те же меркантильные интересы, но охраняющую от истощения производительные ресурсы земли"⁶. В словаре Брокгауза и Ефрона рациональному хозяйству дается следующая оценка: "хозяйство разумно – отчетное, в коем ничего не делается без обдуманного соображения, причины и отчета"⁷.

Таким образом, хотя выяснение представлений о рациональном хозяйстве требует дальнейшего изучения, можно отметить, что в сознании части общества конца XIX – начала XX веков рационально поставленное хозяйство должно было не только приносить доход, но и основываться на научных и технических достижениях и развиваться при сохранении природных ресурсов.

¹ "Круглый стол" Русская усадьба и ее судьбы // Отечественная история. 2002. ¹ 5. С. 150.

² Труды императорского Вольного Экономического Общества. 1880. Т. 1. Вып. 2. С. 221.

³ Черменский П. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии (Тамбов). Очерк экономики и культуры пореформенного периода 1861 – 1917 г. Тамбов, 1928. С. 27.

⁴ Государственный архив Тамбовской области. ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Л. 173.

⁵ Труды императорского Вольного Экономического Общества. 1880. Т. 1. Вып. 2. С. 222.

⁶ Логашев П. Несколько слов о крупном частновладельческом хозяйстве. Экономический этюд. СПб., 1894. С. 18.

⁷ Рациональное хозяйство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1889. Т. XXVI. С. 388.

А.А. Чемерчева

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТАМБОВСКИХ КРЕСТЬЯН
О МЕТЕОРОЛОГИИ
(конец XIX – начало XXI веков
по опубликованным и полевым материалам)**

Народные представления о метеорологии на территории Тамбовской области, как и духовная культура в целом, со временем видоизменялись, хотя обряды сохранялись во многом такими, какими они существовали изначально. Народная метеорология до недавнего времени специально не изучалась, а потому сведения, которыми мы на сегодняшний день располагаем, довольно отрывочны и, как правило, тесно связаны с какой-либо сферой духовной культуры (календарной обрядностью, демонологией, семейными обрядами).

Рассмотрим некоторые существовавшие и ныне бытующие поверья.

Одним из наиболее распространенных поверий является гадание о судьбе и плодородии. В основе их лежат приметы, по которым узнавали о богатстве урожая или его отсутствии, о предстоящей погоде на год: засушливость, снежность и т.п.

Наиболее интересный способ гадания связан с кукушкой и зафиксирован еще в XIX веке В. Бондаренко. По времени крика кукушки узнают какой будет год: голодный или хлебный. Так, ранний крик птицы считался дурным предзнаменованием. Во избежание голода крестьяне совершали следующее действие: *"Некоторые, желая получить хороший урожай, приходят рано утром в лес и стараются пораньше поесть, пока кукушка еще не кричала; иначе год будет голодный"*¹. В наше время также связывают гадание о богатстве урожая с кукушкой. Жители области примечают совпадает ли прилет кукушки и ее первый крик с появлением зелени (применительно к лесу). Если "лес еще не одет, голый", то год будет плохим (засушливым и неурожайным) утверждают информаторы: *"Прилятит кукушка, если голый лес, то значит будет эта засуха или голодный год. Ну и правильно: ныне кукушка прилетела, голый лес у нас был, вот и засуха. Петровский р-н"*. Данное поверье перекликается с аналогичным, в котором кукушка замещается на первый гром: *"Вот гром гремит, если на деревьях нет еще листвы, то... и гремит гром, то это к плохому урожаю. Плохой урожай, если гром гремит, а деревья голые. И все говорят: "Ой, гром, это плохой урожай". Петровский р-н"*.

Множество поверий о метеорологии связано в народном сознании с календарным комплексом, например, с днем Благовещенья. Часть из них связана с огнем и касается погоды на будущий год. Так, В. Бондаренко зафиксировал следующее поверье: *"Под Благовещенье огней в избах всю ночь не тушат: лучше уродится лен, иначе молния все повыжжет"*². Это поверье не совпадает с бытующим в наше время запретом зажигать свет (свечки) на Благовещенье в доме. Объясняется этот запрет двояко: или год будет *пожарный* (будет много пожаров), или пчелы не будут водиться (для пчеловодов). К тому же, по погоде на Благовещенье определяют, какова будет в следующем году: *"У нас здесь так-то говорят, если на Благовещенье солнушко, то пожары будут, а если пасмурно, то нет. Первомайский р-н. Ну солнце яркое вот всходит, пожаров будет много. А если тучменно, то нет... Петровский р-н"*.

Поверья о метеорологических явлениях, например, о ветре, вихре зачастую ассоциируются в народном сознании с демонологической мифологемой. В статье В. Бондаренко мы находим следующее описание вихря: *"Часто мы замечаем летом поднявшийся на дороге столб пыли от вихря. Крестьяне говорят, что это бесится чертенок"*³. В настоящее время на территории области распространено поверье, что вихрь – это колдуны, собирающиеся на свадьбу в Киев; сама лексема "вихор" известна информаторам и как номинация лукавого (нечистого): *"Ураган когда собирается, ну, говорят, колдуны собираются... А вихорь вот такой прям, ву-ву-ву, ну, говорить, собираются эти колдуны в одно... в нескольких местах он прям, вот иной раз прям вьется, вьется, вьется, тут вьется, вьется, вьется, и бежит, а вот кругом, не так вот ураганом несло, вихорь-то вот этот самый, вот это говорят это, эти колдуны все собираются в одно место... Они под Киевом собираются, все колдуны... Там у них свадьба вся. Да. Там, там вся свадьба у них, под Киевом. Вот полетели за... и к утру они прилетают оттуда. И они уже все по домам. А улетают они вот в трубу. Петровский р-н"*. Заметим, что жители области наделяют колдунов способностью управлять (утаскивать) стихией ветра в момент смерти, похорон. Существует твердое убеждение: при смерти колдуна обязательно поднимется ветер: *"Это вот ветер, ураган – страшный какой, ну говоришь: "Ну, колдунья потащила ветер". Да их тут много хоронили. Петровский р-н"*.

Подобных примет, поверий, связанных с предсказанием погоды, с пониманием погодных явлений на территории области, очень много. Мы затронули лишь те, которые объединяют ретроспективный и современный взгляд на метеорологию в народной среде.

¹ Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 115–121.

² Там же. С. 117.

³ Там же. С. 120.

ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Сфера образования в России всегда находилась под пристальным вниманием государственной власти. Издаваемые государем указы и распоряжения Министерства Народного Просвещения регламентировали и определяли приоритетные направления в развитии этой отрасли.

В Тамбовском крае начало развитию среднего образования было положено, утверждением в 1786 году императрицей Екатериной II устава народных училищ. Уже 22 сентября 1786 года, при содействии губернатора Гавриила Романовича Державина в Тамбове было открыто четырехклассное народное училище, преобразованное в 1825 году в Тамбовскую Губернскую гимназию, которая на протяжении всей своей истории оставалась ведущим учебным заведением в крае.

Располагалась она с 1827 года на пересечении улиц Гимназической и Большой, в зданиях, купленных за 70 тысяч рублей у коллежского асессора Б. Хвоцинского. В 1866 году оба корпуса были соединены в единое двухэтажное здание, а 23 ноября 1869 года состоялось освещение церкви при гимназии во имя Святого Александра Невского. В 1877 – 1878 годах проведения уроков гимнастики к зданию гимназии пристроили гимнастическую залу.

На рубеже XIX – XX веков гимназия превратилась из учебного заведения, где "царила рутинная застой", которое "была вместилищем всего дурного и скорее по своим нравам походила на бурсу"¹, в одно из лучших средних образовательных учреждений России, поступить в которое мечтали многие прилежные ученики народных школ и воспитанники частных начальных учебных заведений Тамбовщины. Но для этого необходимо было сдать вступительные экзамены. Для того, чтобы ребенка приняли в первый класс гимназии, он должен был показать "знание главнейших утренних и вечерних молитв и важнейших событий из священной истории Ветхого и Нового Завета"², "...умение бегло читать по-русски и пересказывать прочитанное... писать по-русски под диктовку", а также "знание первых четырех арифметических действий". Таким образом, в первые: основной и параллельный классы гимназии поступали хорошо подготовленные 10–11-летние мальчики.

Программа обучения была рассчитана на 8 лет. Учебный год длился 10 месяцев в году с 15 августа по 15 июня. На летние каникулы отводилось 2 месяца, а на зимние 2 недели, на весенние 10 дней с Великого четверга и до воскресенья на Фоминой неделе, так же были выходные и по большим религиозным праздникам.

Обучение в гимназии было организовано по классической системе, т.е. в изучении преобладали древние языки (латынь и греческий) и иностранные (французский и немецкий). Уже с первого класса гимназисты учили латынь, со второго к ней добавлялся новый язык французский и немецкий, а с третьего вводился греческий.

Важную роль в образовательном процессе играло и религиозно-нравственное воспитание, поэтому обязательным предметом в гимназии был Закон Божий, который преподавал в это время протоиерей Николай Богородицкий. Не были ущемлены в правах и представители других вероисповеданий. Для протестантов в штат гимназии был введен пастор Артур Павлович Бернгоф, а для католиков ксендз Станислав Феликсович Лавринович. Также "ученики обязаны в воскресные дни посещать общественные богослужения" и "ежегодно в страстную седмицу бывать у исповеди и св. причастия"³.

Кроме древних и новых языков в гимназии изучали русский язык и литературу, математику, естественную историю и физику, историю и географию России и зарубежную и т.д. Также к числу обязательных учебных предметов относились и гимнастические упражнения, преподавал их в эти годы Иван Иванович Гюттель.

Личность учителя была священна для учеников, поэтому "терпели" всех даже самых нелюбимых педагогов, но смешных кличек и прозвищ не избежал никто, даже самые уважаемые и любимые преподаватели. Были среди них и Заноза, Вяжля, Фру-фру и т.д., но, несмотря на это мальчики боролись за авторитет своих педагогов и не позволяли над ними смеяться ни семинаристам, ни реалистам.

Общение учеников с преподавателями продолжалось и во внеурочное время. В гимназии была прекрасно оборудованная физическая лаборатория, в которой проводились занятия физического кружка. Радостью многих гимназистов были ученические спектакли, литературные и бальные вечера, на которых много спорили, читали и танцевали.

31 октября 1918 года завершилась история Тамбовской губернской мужской гимназии – гимназии, которая дала России многих выдающихся людей артиста Н. Давыдова, писателя и путешественника

А. Вышеславцева, дипломата Г. Чичерина. Средние и низшие учебные заведения царской России были переименованы в советские школы.

¹ Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. Л.–М.: Изд-во "Искусство", 1962. С. 35.

² Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения.

³ ТОКМ ОФ ¹ 10190/11 Правила ученика 1 параллельного класса Тамбовской мужской гимназии Тихонова Василия. Тамбов, 1905. С. 2

Е.Н. Шабельникова

ПРОБЛЕМА КАРЬЕРНОГО РОСТА ДУХОВЕНСТВА В 1860-е ГОДЫ (на материалах Тамбовской губернии)

В период с 1861 по 1869 годы проводилась церковная реформа, которая сделала возможным переход священников в другие сословные группы. Цель реформы состояла в улучшении материального положения духовенства и ослаблении конкуренции между священниками в борьбе за приходы.

При изучении этого вопроса были выявлены некоторые расхождения в материалах источников и исторических исследованиях. Встречается утверждение, что после открытия духовного сословия из него произошел большой отток священников. Однако в Тамбовской губернии, судя по документам, этого не происходило. Уход священников из сословия был незначительным и, в основном, шел за счет выпускников духовных семинарий, которые поступали в светские учебные заведения. Но такого рода отток был возможен и до официального открытия духовного сословия. Случаи снятия сана людьми, имевшими достаточно прочное положение на иерархической лестнице, были единичными. Так, в 1898 году с такой просьбой обратился в Духовную Консисторию после смерти жены Ксенофонт Иванов¹. Несмотря на закон, снятие сана произошло не сразу. В течение трех месяцев другим священникам поручалось проводить беседы с целью переубеждения. Эта процедура носила формальный характер, и по истечении трех месяцев церковный сан был снят.

Не удалось избавиться и от конкуренции священников за место в приходе. Церковных приходов по-прежнему оставалась мало, а каждый священник хотел обеспечить своего сына приходом. Как следствие, священники продолжали писать друг на друга доносы. Один из таких доносов был подан на имя Тамбовского губернатора крестьянином с. Беломестная Двойня Тамбовского уезда на дьякона Сажина². Дьякон был обвинен в грубости, поборках с прихожан, а также в политической пропаганде. Было проведено секретное расследование губернским жандармским управлением, которое показало, что все было организовано местным священником о. Петром Воскресенским и местным полицейским урядником Пустошиным.

Система доносов не обошла стороной и монастыри. Так, в Тишениковском монастыре в 1903 году группой лиц была обвинена игуменья Апполиария во властолюбии и несправедливом отношении к сестрам, в неуживчивости и в других неблагоприятных поступках. Недовольными было подано прошение в Тамбовскую Духовную Консисторию. Но назначенная следственная комиссия под присягой выяснила несправедливость обвинений, возводимых на игуменью.

В то же время со стороны священников довольно частыми были жалобы на плохое материальное положение, что само по себе являлось парадоксальным. Объективно оно не было слишком тяжелым. Духовенство все же имело доходы не ниже среднего крестьянского, а иногда и выше, поэтому переход в крестьянское сословие его не прельщал. Найти же какую-то работу в городе, которая давала хороший заработок и не требовала физического труда, было сложно.

Препятствием к карьерному росту становились различные проступки со стороны священников. По книге регистрации штрафов за 1901 год можно выделить несколько видов наказания³. Самым простым было внушение – за оскорбление крестьян и друг друга. За вымогательство следовало строгое внушение. По обвинению в нетрезвости и неблагоприятном поведении священникам также делали строгое предупреждение или выговор с занесением и без занесения в формуляр, отправляли под строгий надзор благочинного или отрешали от должности. Благочинных также могли отстранять от должности за неисполнение обязанностей. Отстранение от должности следовало и по политической неблагонадежности. Среди наказаний встречались и денежные штрафы. Так был оштрафован псаломщик за немиролюбивое

отношение к приходскому священнику. Псаломщиков могли штрафовать и за пропуски записей в метриках о рождении. Наказания применялись и в монастырях. Монахов могли принудить к черным работам, а за неблаговидное поведение, могли перемещать из одного монастыря в другой под надзор настоятеля.

Добросовестно выполнявшие свои обязанности могли рассчитывать на награды, а, следовательно, и продвижение по службе. Система наград в начале XX века стала двойной: сохранялась внутрицерковная система награждения, и к ней присоединялась светская. И те и другие награды в большинстве получали лица, совмещавшие преподавательскую деятельность со службой в храме. Так, в 1904 году священников награждали светскими орденами и медалями по случаю рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича по указу императора. В Тамбовской губернии к награждению орденом Св. Анны III-й степени был представлен преподаватель Тамбовской духовной семинарии, протоиерей Успенской кладбищенской церкви г. Тамбова Петр Успенский за исполнение возложенных на него служебных обязанностей. В целом за 1904 год среди священников по Тамбовской Епархии было награждено орденом Св. Владимира IV-й степени три человека, орденом Св. Анны II-й степени семнадцать человек и орденом Св. Анны III-й степени восемнадцать человек. В 1908 году был награжден орденом Св. Анны II-й степени и Св. Владимира IV-й и III-й степени Гавриил Яцковский (в миру)⁴. В 1908 году он служил на должности vicария Тамбовской епархии, был ректором Рязанской Духовной семинарии.⁵

Таким образом, открытие сословия не дало ожидаемого результата. Духовенство осталось сословно замкнутым и священники по-прежнему продолжали "наследовать" профессию. Дети священников в провинции, как и ранее, были обречены на вероучительскую деятельность. Основным местом работы большинства священников как в городе, так и селе оставалась служба в церкви, которая сочеталась с должностью законоучителя в учебных заведениях.

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1901.

² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9032.

³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1938.

⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1990. Л. 215.

⁵ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Под ред. Андреевского. Тамбов, 1911. С. 11.

А.С. Щербак

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКЕ

Региональные ономастические единицы являются содержательными доминантами исторических документов и являются важным материалом для региональной лингвистики или лингвистического краеведения. В ходе лингво-фольклорных экспедиций по Тамбовской области можно невольно столкнуться с многочисленными расхождениями официальных названий тех или иных населенных пунктов с их неофициальными. До сих пор границу между селами Стрельцы и Пушкири (близ города Тамбова) старожилы называют словом ПАНИКА. И если дом расположен на границе, то говорят, что живет "на ПонИке". В Уметском районе находилось село Паника, которое упоминается в документах ревизии в 1748 года по Шацкому уезду под названием "село Воскресенское, Паника тож" (по Н.В. Муравьеву).

В Первомайском районе есть станция Богоявленск, по одну сторону которой и сегодня местные жители говорят: "Живут "на ПАНеВКЕ" (явное созвучие со словом ПОНеВА – клетчатая шерстяная юбка, распространенная форма поясной одежды, господствовавшая в данной местности на рубеже XIX – XX веков). Известно, комплекс женской одежды принадлежал к южновеликорусскому бытовому комплексу, так называемому "поневному".

Слово "дача" означает в современном русском языке "загородный дом, обычно, для летнего проживания".

В

словарях XIX века данное слово фиксируется в значении "участок земли под лесом", "место отдыха для город-

ских жителей в летнее время". На территории Тамбовской области среди наименований населенных пунктов до сих пор отмечаются ономастические единицы, в состав которых входит атрибутивное слово "солдатский" или корень "солдат". Так, название села Татаново (Тамбовский район) уже значится в "Списках населенных пунктов Тамбовской губернии" от 1927 года. Однако до этого – по данным Тамбовских губернских ведомостей" от 12 февраля 1891 года – оно имело другое название – "Солдатская дача". По указу царя Федора Алексеевича (от 7 октября 1681 года) эта местность за "особо понесенную службу была отдана казакам, отчего и получила название "Солдатская дача", т.е. "выдача". Первыми поселенцами были Ивашка Семенов, Стенька Куксов, Артюшка Васильев. На сегодня это название местности забылось.

В этом же районе Тамбовской области до сих пор существует местность под названием Солдатская Духовка. Это село впервые упоминается в окладных книгах духовной епархии 1676 года. Село основано в конце первой половины XVIII века, заселено солдатами – отсюда и название. По данным частичной переписи населения 1710 года, "В селе Солдатской Духовке солдатских дворов 59 с количеством 214 человек мужского полу от младенческого возраста до старости, да бобыльских дворов – 8, а людей в них одиннадцать человек". Среди жителей села были Яков Сажнев, Назар Бетин, Василий Копылов, Никита Пономарев. На 1762 год в Солдатской Духовке числилось уже 675 человек и 105 домов.

В документах ревизской сказки 1782 года отмечается деревня Солдатчино (Уметский район) под названием Солдатская слобода. В то время, видимо, данная местность была заселена отставными солдатами. Всего мужчин – 71 человек, женщин – 64. В числе первых жителей были Абрам Кузьмин, Никифор и Степан Каданцевы, Алексей Зверев, Михаил Васильев, Матвей Никифоров, Федор Журавлев и другие.

В епархиальных сведениях 1911 года отмечается деревня Солдатские дворики (Ржаксинский район). В ней числилось 25 крестьянских дворов с населением: мужского пола – 77, женского – 77.

Строительство оборонительных сооружений и их охрана усилила приток людей на ранее необжитые земли. Это были, прежде всего, служилые люди – солдаты (пушкари, стрельцы, казаки). Отсюда и названия сел Татаново, Солдатская Дача, Солдатская Духовка, Солдатские Дворики, Солдатчино.

Исторический материал по региональной ономастике может быть пополнен современными сведениями, полученными у жителей области в ходе дальнейших диалектологических изысканий. Региональная ономастика иллюстрирует наиболее распространенные имена собственные, ее комплексное изучение позволяет соединить различные методы анализа имен собственных, раскрыть региональную специфику и уникальность языковых единиц. Региональная ономастика – наиболее яркий компонент регионального языка, отличающийся отражением в нем истории заселения края.

П. П. Щербинин

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первая российская революция 1905 – 1907 годов всколыхнула все российское общество, способствовала новому витку развития женской самостоятельности и женского движения в России. В феврале 1905 года возник Всероссийский союз равноправия женщин (далее – СРЖ), отделения которого появились в Тамбове, Козлове, Моршанске. Важнейшей чертой женского движения этого периода было выдвигание не только феминистских требований, но и общедемократических. Период с мая по октябрь 1905 года характеризовался агитационной работой, вербовкой членов, становлением отделов Всероссийского СРЖ. Организовывались и сборы пожертвований на нужды СРЖ.

Пик активности женского движения пришелся на период октября 1905 – весну 1906 года, что было связано со всеобщей политической стачкой и избирательной кампанией в Государственную Думу. На собраниях принимались резолюции с требованиями отмены смертной казни, освобождения политзаключенных, осуществления демократических перемен в обществе, собирались подписи под петициями, обращенными к властям. Общий спад революционного движения, отсутствие реальных успехов, ощу-

шение бесперспективности борьбы, репрессии властей по отношению ко многим членам отделов СРЖ привели к постепенному затиханию и почти полному прекращению движения за равноправие женщин, которое вспыхнуло с новой силой лишь в марте 1917 года.

В марте 1917 года инициаторами проведения собраний и митингов, посвященных женскому вопросу, являлись чаще всего женщины-служащие городских и общественных учреждений, либо лидеры отделений Союзов равноправия женщин периода 1905 –1907 годов. В Тамбове, Елатье и Козлове образовались местные организации женщин под названиями женского союза или отделения Лиги равноправных женщин.

Члены союзов женского равноправия обращались к Временному Правительству и местным органам власти с просьбами допустить женщин к участию в политической жизни, выборах органов власти. Так, Елатомский женский союз направил телеграмму Временному Правительству с просьбой допустить женщин на выборы в городской исполнительный комитет. На телеграмму был получен положительный ответ и при обновлении состава городских дум в Тамбове, Козлове и других городах принимали участие и женщины. Таким образом, одна из задач борьбы женщин за равные с мужчинами избирательные права была достигнута. Надо признать, однако, что получить право избирательное было проще, чем преодолеть недоверчивое отношение к женщине как выборному лицу. Об этом свидетельствует и тот факт, что избранными оказывались все же мужчины. Да и большинство женщин еще не были готовы к равному соперничеству с мужчинами и часто просто не являлись на выборы.

Возможность участия представительниц женских организаций в новых органах государственной власти в 1917 году не была очевидной для многих представителей местных исполнительных комитетов. Так, Елатомский городской исполнительный комитет на своем заседании от 14 апреля 1917 года отверг 10 голосами против 7 голосов за предложение местного отдела союза женщин о представительстве в комитете К.И. Путилиной. На женских митингах и собраниях обсуждался и вопрос о представлении женщинам права участия в выборах в Учредительное собрание. 9 марта на собрании женщин г. Козлова шла речь о допущении женщин в члены Учредительного собрания.

Новым явлением в женском движении в губернии были объединения солдаток. Жены призванных на войну солдат проводили митинги, собрания, обращались в органы власти, ввели своих представительниц в исполнительные комитеты и Советы. Союзы солдаток объединяли в Тамбове более 500, а в Моршанске более

1800 членов. В 1917 году союзы женщин, Союзы женского равноправия, другие демократические организации женщин продолжали свою патриотическую деятельность в новых условиях. Так, 18 июня 1917 года Тамбовский демократический союз женщин устроил День повсеместной помощи Родине, давший сбор более 2000 р.

Заметим, что женские организации не ограничивали свою деятельность только политической или благотворительной направленностью. Для тамбовчанок было важно активно участвовать в общественной жизни в губернии, вносить конкретный вклад в строительство новой демократической России. Они обращали внимание и на проблемы учащейся молодежи, организации помощи детям-сиротам и т.п.

К сожалению, тенденции саморазвития, демократизации общественной жизни, активного участия женщин Тамбовщины в деятельности органов власти, местного самоуправления натолкнулись не только на отрицательное отношение мужского сообщества, воспитанного на традициях патриархальности и сексизма, но и были подвергнуты серьезной деформации в годы Гражданской войны и других трагических страниц истории. Наверно, не случайно и сегодня перед женщинами стоит задача борьбы за равноправие во всех сферах жизни современной России.

Ю.В. Щербинина

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ И ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Георгиевский знак отличия военного ордена учрежден в 1807 году имел четыре степени (с 1913 года – Георгиевский крест), являлся воинской наградой в Российской империи для награждения нижних чинов и унтер-офицеров за военные подвиги. Знак представлял собой серебряный крест, носившийся на георгиевской ленте. Днем ордена Св. Георгия Победоносца считалось 26 ноября.

В 1908 году тамбовский губернатор Н.П. Муратов выступил инициатором чествования в этот день ге-

оргиевских кавалеров Русско-японской войны, проживавших в Тамбовской губернии. С этого времени георгиевский праздник приобрел характер общегубернского и стал отмечаться в Тамбове и уездных городах ежегодно.

В 1911 году Тамбовские георгиевские кавалеры были ознакомлены с Высочайшей телеграммой императора Николая II: «Тамбов. Губернатору. Передайте всем Георгиевским кавалерам мое сердечное спасибо за их боевую службу, преданность мне и готовность и впредь честно служить родине. Благодарю вас за заботы об этих достойных ее сынах. Николай»¹.

С 1916 года этот праздник стал отмечаться как Всероссийский, но впервые он был отмечен именно в Тамбовской губернии. Члены семей Георгиевских кавалеров обеспечивались дополнительными денежными пособиями, дети имели право поступать на льготных условиях в учебные заведения, но самым важным являлось общественное признание заслуг воинов-героев, которые за свои подвиги были награждены самой престижной военной наградой.

Как же организовывались и проходили в Тамбове и других городах губернии праздники георгиевских кавалеров? Специально создавались комитеты для сбора средств на проведение торжеств. Финансировали праздник земское и городское самоуправление, военные, предоставлявшие для торжественного обеда казармы и прислугу, а также частные благотворители, в том числе А.Н. Нарышкина.

Программа георгиевских мероприятий включала в себя торжественную встречу георгиевских кавалеров на заставах в городах, устройство для них ночлега, утренний сбор и богослужение в военных церквях тамбовского гарнизона. Традиционно проводился парад войск тамбовского гарнизона и шествие георгиевских кавалеров по городу в казармы на обед. Обед состоял из пирога, щей, рыбы с кашей и сладкого. Каждому кавалеру выдавались сотка водки, бутылка пива, бутылка фруктовой воды, пачка папирос и платок... По окончании обеда всю посуду и приборы – три тарелки, стакан, вилку, нож, ложку, бутылки и платок, кавалеры забирали с собой. Вечером кавалеры приглашались в театр, где шла пьеса "Измаил" или другие патриотические произведения, или в синематографы². Ежегодно в Тамбове собиралось на праздник более четырехсот человек, в уездных городах губернии от 200 до 400 человек (В Тамбове в 1916 году – около 13 офицеров и 913 нижних чинов, в Усмани – более 200 кавалеров).

Документы государственного архива Тамбовской области хранят многочисленные документы о героизме наших земляков на фронтах войн начала XX века.

Особенно ярко патриотизм и самопожертвование жителей нашего края проявились в сражениях Первой мировой войны 1914 – 1918 годов. Приведем лишь отдельные факты из наградных листов георгиевских кавалеров, уроженцев Тамбовской губернии: "Убит младший унтер-офицер Степан Васильев Глухов, проживает в Борисоглебском уезде Верхнешибряйской волости, село Васильевское. 9-й Сибирский стрелковый полк. Во время штыковой ночной атаки 6 декабря 1914 г. личным мужеством и храбростью содействовал успеху ее, первым бросился на неприятельские окопы и были заняты 2 ряда окопов"³. "Доброволец Николай Иванович Егормин, мещанин г. Шацка, в бою 23 февраля 1915 г., будучи послан в разведку с явной опасностью для жизни, добыл и доставил важные сведения о расположении и силах противника"⁴, "Старший унтер-офицер Яков Гаврилов Трунов, с. Липовка Жидиловская волость Козловский уезд... в бою с немцами у деревни Рожково Варшавской губернии 11 декабря 1914 г. командуя взводом, за убылью всех офицеров он упорно под сильным огнем противника продвигался в вперед, вытесняя немцев из окопов"⁵.

Иногда наградные документы направлялись командирами полков тамбовскому губернатору. Так, например, командир 37 пехотного Екатеринбургского полка 16 мая 1916 года направил губернатору список нижних чинов его полка, удостоенных за геройские подвиги Георгиевских крестов и медалей. Были присланы и фотографии героев. Это рядовые Андрей Растяпин, Николай Худяков (Борисоглебский уезд), Прокофий Митрофанов (Елатьма), Семен Горбунов (Усманский уезд), Максим Голов (Моршанский уезд), Василий Морозов (Кирсановский уезд)⁶.

Таким образом, наши земляки вносили важный вклад в защиту Отечества, проявляя героизм и мужество на полях сражений войн начала XX века. Представляется важным изучать военные подвиги не только наших земляков-генералов, но и простых солдат, чьи подвиги и самопожертвование составляют неувядаемую славу Российского воинства.

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7434. Л. 15.

² Там же. Л. 59.

³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9331. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 106.

⁵ Там же. Л. 233.

⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9334. Л. 1.